12+

Журнал Нижегородской духовной семинарии

Дамаскин

№ 1 (53) апрель 2021

300 лет со дня основания

Нижегородская Духовная Семинария

Духовное образование

Журнал Нижегородской духовной семинарии

Дамаскин

№ 1 (53) апрель 2021

Журнал Нижегородской духовной семинарии

Одобрено Синодальным отделом по взаимоотношениям Церкви с обществом и средствами массовой информации

Главный редактор
иерей Виктор Плаксин

Заместитель главного редактора
Ю. А. Гуторов

Редакционный совет
Д. В. Семикопов, А. В. Дьяконов, протоиерей Василий Спирин, иеромонах Лаврентий (Собко)

Вёрстка В. Г. Кочнев

Редактор-корректор Т. В. Семикопова

Учредитель и издатель
АНО «ПЦ „Логос“» (Автономная некоммерческая организация «Просветительский центр „Логос“»)

Генеральный директор
А. С. Фролов

Адрес
603086, Нижний Новгород, Ярмарочный проезд, д. 10

Адрес редакции
603086, Нижний Новгород, Ярмарочный проезд, д. 10
Тел.:+7 (831) 246-73-95
E-mail: nds@nne.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Регистрационный номер ПИ № ФС 77–75718 от 13.06.2019 г.
Журнал размещен в научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) по договору № 381–09/2017 от 26 сентября 2017 г.
Подписной индекс 51299
Тираж 2550 экз.
Печать: типография «Ридо»
603074, Нижний Новгород, ул. Шаляпина, д. 2а
Дата выхода: 10 апреля 2021 г.
Цена свободная

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций

Слово главного редактора

Нижегородская духовная семинария является одной из первых семинарий в России. В 2021 г. наша духовная школа празднует значительный юбилей — 300 лет со дня её основания. К этой знаменательной дате будут приурочены два номера журнала «Дамаскин». Настоящий номер посвящён теме духовного образования.

Православная традиция неизменно уважает образование, как духовное, так и светское. Многие отцы Церкви учились в светских школах и академиях и считали преподаваемые там науки чрезвычайно полезными для верующего человека. По мысли святителя Григория Богослова, «всякий имеющий ум признает учёность первым для нас благом».

Вместе с этим православное образование — это не только передача знаний, но и воспитание необходимых качеств, чтобы стать достойным человеком и христианином.

Главная же составляющая духовного образования — сама духовность, то есть не только умение рассказать о Боге и Церкви, но искусство жизни по Слову Божию и проповедь жизни во Христе.

Первый проректор Нижегородской духовной семинарии
иерей Виктор Плаксин

Духовное образование имеет самое непосредственное отношение к сокровенным глубинам бытия Церкви — это одна из важнейших задач. Это не вторичное дело; богословское образование — в самой сердцевине церковной жизни…

От уровня нашего богословского образования, от того, что есть богословское образование, зависит, в конце концов, сама передача Священного Предания Церкви.

Кирилл,
Патриарх Московский
и Всея Руси

Духовное образование

Юрий Александрович Гуторов,
магистр педагогики,
магистр богословия,
преподаватель Нижегородской духовной семинарии

Задачи и проблемы духовного образования в России в XX–XXI веках

С древнейших времен образование играет большую роль в деле становления и развития цивилизации. В России образование человека рассматривалось как задача всей жизни человека, а не только короткого школьного периода. Это совпадает с идеей Платона, который считал, что на то, чтобы воспитать человека, требуется порядка пятидесяти лет.

В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» сказано: «Христианская традиция неизменно уважает светское образование. Многие отцы Церкви учились в светских школах и академиях и считали преподаваемые там науки необходимыми для верующего человека... По мысли святого Григория Богослова, «всякий имеющий ум признает учёность (paideusin — образование) первым для нас благом. И не только эту благороднейшую и нашу учёность, которая... имеет своим предметом одно спасение и красоту умосозерцаемого, но и учёность внешнюю, которой многие христиане по невежеству гнушаются как ненадежной, опасной и удаляющей от Бога»[1].

Под духовным образованием в широком смысле можно понимать не только и не столько образование через систему религиозных учебных заведений, сколько широкое гуманитарное образование, в которое интегрированы элементы религиозного знания и религиозной культуры. Например, в средневековье на Западе «монастырские школы специализировались на подготовке священнослужителей, богословов, образованных монахов, способных к переписыванию манускриптов. Кафедральные, или епископские школы, находившиеся в городах, не ставили цели готовить исключительно церковных профессионалов. В их задачи постепенно входила и всё более набирала силу подготовка светских интеллектуалов, способных вести самые разные виды деятельности в городах»[2].

Систематическое образование для духовенства в России было введено «Духовным регламентом» Петра I от 1721 года. В разделах «Дела епископов» сообщается, что «вельми ко исправлению церкви полезно есть сие, чтоб всяк Епископ имел в доме, или при доме своем школу для детей священнических, или и прочих, в надежду священства определенных»[3]. Во исполнение проекта, изложенного в «Регламенте», духовные училища семинарского типа создавались в разных городах России. Первым из епархиальных архиереев на указ императора откликнулся епископ Нижегородский и Алатырский Питирим. При архиерейском доме в Нижегородском кремле 29 марта 1721 года были открыты две грамматические (эллино-греческая и славяно-российская) школы и одна подготовительная букварная школа. С этого момента и начался отсчёт в истории первой в России семинарии, давшей стране выдающихся церковных пастырей, учёных-богословов и просветителей.

Образование в отечественных духовных школах развивалось и со временем достигло впечатляющего уровня. На рубеже XIX–XX веков многие профессора духовных академий преподавали в университетах. Так, профессора Московской духовной академии историки В. О. Ключевский, А. П. Лебедев, Е. Е. Голубинский были и профессорами Московского университета, а профессора Казанской духовной академии философ А. А. Снегирев, канонист И. С. Бердников,

Евгений Евсигнеевич Голубинский

Александр Петрович Лебедев

Василий Осипович Ключевский

историки П. В. Знаменский и А. Ф. Курганов преподавали одновременно в Казанском университете. Такой обмен в образовательной сфере существовал не по причине того, что Русская Православная Церковь являлась государственной, но потому, что на рубеже столетий выровнялся уровень высшей духовной и светской школ. Более того, многие выпускники духовных школ преподавали исключительно в университетах и даже становились впоследствии академиками.

Этот процесс развития духовного образования был прерван, а путь к его восстановлению — тернист. В результате революции, по замыслу новой атеистической власти, духовное образование должно было быть упразднено, ибо ввиду предполагаемой победы материалистического мировоззрения «служители культа» уйдут в прошлое.

Согласно советскому законодательству преподавание религиозных предметов допускалось исключительно в духовных учебных заведениях, открываемых в особом порядке. Советское государство «регулировало» численность и состав духовенства путем ограничительных мер в отношении духовных учебных заведений. В результате такой политики к середине XX века численность православного духовенства сократилась почти в пять раз.

Для сравнения: в XIX веке семинарии действовали во всех губернских городах, в каждой обучалось порядка 600 воспитанников. Из существовавших в 1913 году 246 духовных учебных заведений (4 академии, 57 семинарий и 185 духовных училищ) к 1925 году практически все были закрыты. Только после 1943 года было вновь открыто восемь духовных семинарий и две духовные академии (при Н. С. Хрущёве из этих восьми семинарий было вновь закрыто пять). К 1985 году осталось три семинарии и две академии; количество обучаемых сократилось более чем в 100 раз.

Однако, несмотря на атеистическую пропаганду, число заявлений о поступлении в семинарии увеличивалось. В основном это были уже достаточно взрослые люди.

Возрастной состав семинаристов этого периода отличался преобладанием категории от 31 до 40 лет — порядка 46%. Семинаристы от 21 до 30 лет составляли 36%; от 41 до 50 лет и старше — 18%. Среди абитуриентов Московской и Ленинградской духовных семинарий в 1976–1980 гг. 8% имели высшее или незаконченное высшее, 85% – среднетехническое или среднее и лишь 8% – незаконченное среднее образование. Были случаи поступления в духовные академии и семинарии аспирантов, учителей, инженеров, художников, врачей, экономистов, музыкантов.

На имеющиеся места в духовные школы Церковь не испытывала недостатка в абитуриентах, но более половины желающих не могли поступить в семинарии из-за нехватки мест. Конкурс составлял порядка 2–3 человек на место. В отборе кандидатов участвовала не только комиссия семинарии, но и уполномоченные Совета по делам религий, которые противодействовали зачислению в церковные школы лиц «неблагонадежных в политическом и гражданском отношениях, морально нечистоплотных или склонных к религиозному фанатизму»[4]. По мнению исследователей, такими негативными определениями часто характеризовались наиболее ревностные в вопросах веры кандидаты на поступление в семинарию, какие и нужны были приходам. Духовные школы, ввиду их незначительного количества, не могли восполнить спрос на священнослужителей в стране. В начале 1970-х гг. семинарии возмещали сокращение священнослужителей лишь на 20%, а к середине 1980-х гг. выпускники не восполняли даже половины умерших или ушедших по возрасту за штат священнослужителей.

Государственная политика в плане религии и духовного образования, по известным причинам, претерпела существенное изменение после празднования тысячелетия крещения Руси в 1988 году. За этот период состояние духовного образования в России существенно изменилось, в частности, начался рост количества духовных школ. Согласно сайту Учебного комитета Русской Православной Церкви в настоящее время на территории России насчитывается 2 академии, 2 православных университета и 38 семинарий[5]. Духовные учебные заведения, подобно

светским университетам, проходят процедуры государственной аккредитации и лицензирования. И, хотя в настоящее время в каждую отдельно взятую семинарию поступает не такое большое количество абитуриентов, как раньше, в целом, с учетом значительного роста количества духовных школ (практически в каждом регионе РФ вновь открыты семинарии), число семинаристов по стране существенно увеличилось.

Важным фактором в сфере развития духовного образования стало то, что между церковной и светской школой вновь нет изолированности, свойственной советскому периоду. Более 70 университетов имеют домовые храмы, около 50 университетов — кафедры теологии. Например, в Нижегородском Мининском университете подготовка по специальности «Теология» с христианским (православным) блоком дисциплин конфессиональной направленности осуществляется с 2004 года. За время своего существования теологическое отделение выпустило 171 специалиста и бакалавра в области теологии (автор этой статьи является, среди прочего, выпускником 1-го выпуска данного факультета). В 2018 году открылась магистратура по направлению «Теология». Среди выпускников теологического факультета много духовенства Нижегородской и иных епархий.

Восстанавливается сотрудничество духовной и светской образовательных школ. Так, проректоры Нижегородской духовной семинарии доктор философских наук А. В. Ворохобов и кандидат философских наук Д. В. Семикопов являются одновременно преподавателями Нижегородского Мининского университета. Многие преподаватели семинарии имеют светские ученые степени. В Нижегородской семинарии читают лекции штатные преподаватели ряда нижегородских вузов, среди них профессор Л. Е. Шапошников, доктор филологических наук Е. В. Плисов, доктор исторических наук А. Л. Беглов и другие. Похожая ситуация и в других регионах. Семинарии проводят конференции, круглые столы и иные научные мероприятия, на которых вместе с церковными участвуют светские ученые. В свою очередь, церковные специалисты, богословы активно участвуют в светской научной деятельности.

Впрочем, не всеми процесс сотрудничества духовного и светского образования принимается позитивно; значительный резонанс имело открытие кафедры теологии в МИФИ. Отделение физических наук РАН обратилось к научному сообществу с протестом против клерикализации общества. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, выступая на совещании «Теология в вузах: взаимодействие Церкви, государства и общества», сослался на учебные программы зарубежных университетов, где теология — неотъемлемая часть образовательного процесса[6]. Дискуссия о том, насколько приемлемо участие кафедр теологии в учебном процессе светских университетов, продолжается, но на сегодняшний день это уже данность.

Таким образом, духовное образование в настоящее

время включает в себя религиозное и теологическое образование. Под первым подразумевается система профессиональной подготовки служителей религиозных культов и персонала религиозных организаций, преподавателей богословских предметов в духовных учебных заведениях. Под теологическим образованием понимается образование, реализуемое на базе светских вузов. Зачастую теологическое образование имеет конфессиональную направленность (чаще православие или ислам); тем не менее речь идет не об обучении религии — в первую очередь такое образование предполагает широкое знакомство с мировыми религиями в историческом и культурологическом аспектах. В светском теологическом образовании принимается во внимание дидактический принцип, сформулированный в рекомендациях документа ОБСЕ «Толедские принципы по обучению вопросам религии»: преподавание теологии в культурологическом подходе, но не обучение религиозным практикам и принятию соответствующих вероисповеданий[7]. С этой точки зрения убедительно выглядит мысль, которую высказал Святейший Патриарх Кирилл о том, что Церковь отделена от государства, но не от общества и народа. Государство и Церковь, хотя разделены и независимы, не могут и не должны игнорировать друг друга, поскольку служат одним и тем же людям, то есть гражданам, являющимся подданными государства.

Развитие и интеграция религиозного и светского образования — цель и большая задача, связанная с выработкой новых образовательных моделей, способных синтезировать религиозное и светское знание, соединённое с духовно-нравственными ценностями, актуальными данными науки, религии, культуры и политики. При этом вопросы духовно-нравственного воспитания, программ культурно-религиозного образования, строящихся на принципах общечеловеческих ценностей, должны быть в поле зрения как религиозных, так и светских высших учебных заведений.

Примечания и ссылки:

1. Основы социальной концепции РПЦ // https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/#0_14
2. Священник Василий Спирин. Духовное образование: история, современность, перспективы развития // Труды Нижегородской духовной семинарии. Н. Новгород, 2010. — № 8. С. 306.
3. Семинарии. Материал из Википедии.
4. Маслова И.И., Садырова М.Ю., Чабанов К.Е. Духовное образование в России в XX в. // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2017. — № 1. С. 112–116.
5. Сайт Учебного комитета РПЦ // http://www.uchkom.info/uchebnyy-komitet/uchebnye-zavedeniya/
6. Кирилл, Патриарх Московский и Всея Руси. Выступление на совещании «Теология в вузах: взаимодействие Церкви, государства и общества» // http://www.patriarchia.ru/db/text/2619652.html
7. Толедские Руководящие принципы по преподаванию религий и убеждений в государственных школах (РЕЗЮМЕ) // https://forb.by/node/500

300 ЛЕТ
со дня основания

Владимир Дмитриевич Юдин,
преподаватель Московской духовной академии и Нижегородской духовной семинарии

Нижегородская семинария и её известные выпускники-богословы

Нижегородская семинария была основана одной из первых, в 1721 г., вместе с двумя петербургскими школами. Отцом Нижегородской архиерейской школы (семинарией она стала называться позже, со времён императрицы Анны Иоанновны) был известный противораскольничий архиепископ Питирим († 1738). Она имела в известной мере миссионерский характер против раскола старообрядчества, а позже (XIX в.) имела класс новообращённых инородцев Поволжья. (Поэтому неудивительно, что в стенах семинарии во второй половине XVIII в. учащимися по благословению местного высокоучёного владыки Дамаскина (Семёнова-Руднева) был составлен пятиязычный словарь народов Поволжья.)

Дореволюционный историк А. Можаровский[1] предложил такую периодизацию истории Нижегородской семинарии.

I. 1721–1765 гг. — это «детский возраст» школы. Иеромонах Макарий (Миролюбов), первый маститый духовный историограф нашего края, писал: «В I период своего существования семинария и по внешнему, и по внутреннему

устройству находилась в детском возрасте. Её, как дитя, и содержали на чужие деньги, и воспитывали из чужих рук. Отцом её был местный епископ, державший её в своём доме и под своим присмотром. Без его позволения не могла ступать она ни на один шаг»[2]. Школа не имела даже ректора, управлял владыка через инспектора.

II. 1765–1818 гг. — переходное время и полнейшей организации; с этого времени началось надёжное её финансирование из казны.

III. 1818–1867 гг. — период с преобразования школы по Уставу 1808 г., когда школы получают единую Программу образований и воспитания, до реформы её в 1867 г.

Следуя схеме Можаровского и его продолжателя А. Тихова[3], мы предлагаем такое продолжение периодизации:

IV. 1867–1884 гг. — этап между двумя Уставами (1867–1884).

V. 1884–1905 гг. — период между Уставом 1884-го и смутой 1905 г.

VI. 1905–1910 (2) гг. — период от смуты 1905 г. до Устава 1910 (12) г.

VII. 1910 (12) - 1918 гг. — период от Устава 1910 (12) г. до закрытия семинарии.

Как отмечает историк А. Тихов, подъём семинарии начался в 40-х гг. XIX в. Чрезвычайными мерами неусыпного ректора архимандрита Аполлония (Матвеевского, 1842–1850) семинария была выведена из упадка. Она стала благоустроенной, самой крупной и давала наиболее подготовленных выпускников в Казанскую духовную академию (это отмечалось ревизиями из Казанского учебного округа). Начиная с 40-х гг. из стен этой школы вышли выдающиеся иерархи, маститые протоиереи, миссионеры, учёные духовного и светского ведомства.

Назовём некоторых из них:

Святейший патриарх Сергий (Страгородский, 1867–1944);

Митрополит Петербургский и Ладожский Палладий (Раев, 1827–1898);

Пётр Васильевич Знаменский (1836–1917), доктор церковной истории, заслуженный ординарный профессор КазДА;

Александр Львович Катанский (1836–1919), доктор богословия, заслуженный ординарный профессор СПбДА;

Фёдор Герасимович Елеонский (1836–1906), доктор богословия, заслуженный ординарный профессор СПбДА.

Нижний Новгород славился своими талантливыми людьми, в том числе и на духовном поприще. Для примера приведём характеристику лишь одной нижегородской семьи. А. Л. Катанский в «Воспоминаниях старого профессора» писал: «Всего было их 4 брата: отец мой, старший брат, по фамилии Катанский, второй — Иван Герасимович Садов, третий — Пётр Герасимович Елеонский, четвёртый — Фёдор Герасимович, тоже Елеонский»[5]. Об отце-священнике он же вспоминал: «В конце своей жизни, окружённый общим уважением, он имел ещё особенное утешение — насчитать из своих ближайших родных, поистине его питомцев, выросших под его влиянием и руководством, пять человек с академическим образованием и учёными степенями и званиями: три ординарных профессора СПбДА, одного магистра Ф. П. Елеонского — преподавателя Нижегородской семинарии — и одного кандидата богословия Ф. И. Садова — преподавателя Харьковской семинарии. А теперь подробнее о каждом из названных выпускников Нижегородской семинарии.

Патриарх Сергий (Страгородский, 1867–1944)

Родился в 1867 г. в семье священника Алексеевского женского монастыря в Арзамасе. В крещении получил имя Иван. Мать его умерла вскоре после родов — от чахотки, Ваню и его старшую сестру Сашу воспитывали бабушка и няня. Дед будущего патриарха был маститым протоиереем, настоятелем главного Арзамасского собора. С семи лет началась учёба мальчика в приходском училище (2 года), потом в 4-летнем Арзамасском духовном училище, которое он окончил вторым, затем в Нижегородской семинарии (1880–188(5)). По окончании семинарии произошла драма, которая едва

Патриарх Сергий (Страгородский)

не прервала его студенческую жизнь. Иван окончил среднюю духовную школу по I разряду, то есть на «4» и «5», со званием студента семинарии, но 4-м по разрядному списку и с «4» по поведению (балл «4» означал «очень хорошо», «5» - «отлично»)[6].

Профессор Савич в краткой биографии патриарха Сергия, которая помещена в издании Московской патриархии под названием «Патриарх Сергий и его духовное наследство» (М., 1947), пишет неверное: «В этом (1886. — *В. Ю.*) году из Нижегородской семинарии вызова в Духовную академию не было»[7]. Нет, вызов был в МДА (2 человека). Иван Страгородский ещё в апреле 1886 г. был назначен в Москву, ибо подавал большие надежды[8]. Но после выпускных экзаменов ему пришлось забрать назад прошение о приёме в МДА. В Москву поехали другие. А Иван, по некоторым размышлениям, направился волонтёром в СПбДА. Мы опять не можем согласиться с биографом патриарха по поводу выбора академии. Он пишет, что академия на Неве блистала чинами крупных учёных; особенно значительно было представлено учёными силами историческое отделение: византолог Нильский, историки Коялович, Николаевский и др. (абитуриент выбрал из двух отделений — исторического и литературного — первое)[9]. Однако, на наш взгляд, МДА дала более крупных историков того времени: Е. Е. Голубинского, В. О. Ключевского, А. П. Лебедева, Н. Ф. Каптерева и др.

Нам кажется, выбор И. Страгородского определялся тем, что СПбДА была более близка нижегородцам потому, что здесь давно сформировалось крепкое, сплоченное землячество. Тут работала «могучая кучка» профессоров-нижегородцев, питомцев Нижегородской семинарии: А. Л. Катанский, 30 лет занимавший кафедру догматического богословия (1867–1896); Ф, Г. Елеонский, известный библеист, один из лучших знатоков Ветхого Завета; А. И. Садов, филолог, известный специалист по римской религии и литературе.

Иван удачно сдал приёмные экзамены (занял шестое место) и в течение четырехлетнего учения в академии шёл среди первых. В 1890 г. окончил её первым из 73 студентов и 47 магистрантов с правом защищать магистерскую диссертацию без устного экзамена. Он писал кандидатское сочинение «Православное учение о вере и добрых делах» у профессора

Катанского. Рецензент отмечал «неумеренный критицизм» автора к его предшественникам, но «недостатки диссертации, по мнению Катанского, искупаются искренностью пылкой юношеской души автора, большой, даже редкой, начитанностью в святоотеческой литературе и, наконец, многими глубокими мыслями»[10]. На последнем, четвертом, курсе Иван принял постриг монашества, после паломничества на Валаам, в память Сергия Валаамского.

Как лучший выпускник, он мог бы остаться в СПбДА профессорским стипендиатом, но он пожелал ехать миссионером в Японию. Он дважды был там, но неожиданно вернулся (причины неизвестны)[11], был последовательно ректором СПбДС, инспектором СПбДА, инспектором МДА (где защитил магистерскую диссертацию «Православное учение о спасении»), настоятелем Посольской церкви в Афинах. 24 января 1901 г. назначен ректором СПбДА (ему тогда было 33 года), а через месяц, 22 февраля 1901 года, состоялась его хиротония во епископа Ямбургского, третьего викария Санкт-Петербургской епархии.

Епископ Сергий пользовался славой либерального владыки и ректора.

В 1901–1903 гг. был председателем религиозно-философских собраний в Петербурге. Под его руководством была организована встреча академической профессуры со светской богоискательской интеллигенцией (Дм. Мережковский, З. Гиппиус, В. Тернавцев, В. Розанов, П. Флоренский и др.), на которой впервые открыто и независимо обсуждались религиозно-общественные проблемы. Примечательно, что эти собрания состоялись до известного Манифеста о свободе вероисповеданий 1905 г.

В январе 1905 г. на собрании студентов он говорил, что не следует связывать православие с определённым политическим режимом, ибо он может пасть, а православие — вечно. Однажды владыка-ректор своевременно предупредил одного студента о грозившем ему обыске и возможном аресте. По воспоминаниям другого студента СПбДА, когда Сергий был ещё инспектором, «по субботам, после ужина в покоях инспектора собирались студенты и в домашней обстановке слушали очередной реферат кого-либо из товарищей. Темами для рефератов служили вопросы религиозно-философского характера, а также какие-либо новые явления в области современной художественной литературы. Такие рефераты обычно сопровождались прениями и обменом мнений... Чтобы не оказывать давления на ход обсуждения и высказывания гостей, Сергий не брал на себя роль председателя или руководителя собрания, выступая только в роли гостеприимного и приветливого хозяина».

Волнения учащейся молодежи отозвались и в стенах духовных школ. Занятия осенью 1905 г. прекратились. 15 октября владыка ректор сдал дела в академии и направился на вновь назначенную кафедру Финляндскую и Выборгскую. Профессор Савич пишет: «Положение Православной Церкви в Финляндии внушало тревогу. Там шла усиленная пропаганда за объединение Карелии с Финляндией и насаждение среди карелов финской культуры. В противовес архиепископ Сергий организовал в Выборге при местном Кафедральном соборе небольшую миссию, которая должна была заняться насаждением среди карел православия»[12]. С той же целью он созвал два съезда представителей православных епархий: Архангельской и Финляндской (в Ухте) и Олонецкой и Финляндской (в Видлицах). С мая 1911 г. владыка Сергий стал членом Св. Синода с сохранением занимаемой Финляндской кафедры. С августа 1911 г. он был председателем учреждённого при Синоде Особого совещания по вопросам внутренней и внешней миссии, и в этом же году — председателем Совещания по исправлению церковно-богослужебных книг; в 1912 г. возглавил Предсоборное совещание по подготовке Поместного Собора; в 1913 г. — председатель Учебного комитета. За свои труды был награждён бриллиантовым крестом для ношения на клобуке, а потом орденом св. Александра Невского.

Кстати, уместно будет упомянуть и про такой интересный случай. Когда в 1905 г. из Шлиссельбургской крепости был освобождён

по амнистии заговорщик против жизни императора Александра III выпускник СПбДА Михаил Старорусский, то он нашёл приют в Выборге в архиерейском доме[13].

После февраля 1917 г. был распущен св. Синод и создан новый, который возглавил архиепископ Сергий. Для подготовки созыва Поместного Собора снова был учреждён Предсоборный совет во главе с архиепископом Сергием. Собор открылся 15 августа 1917 г. Главный вопрос I сессии — восстановление патриаршества, против которого выступал Предсоборный совет.

28 ноября владыка Сергий во внимание к его высокому для Православной Церкви служению возведён в сан митрополита и утверждён на Владимирскую кафедру (по избранию). Его имя выдвигалось нижегородской церковной общественностью и на Нижегородскую кафедру в 1918 г. Однако он отклонил это предложение. Некоторое время митрополит Сергий находился в обновленческом расколе, но первым раскаялся, после чего получил Нижегородскую кафедру (1923–1934). В декабре 1925 г., после ареста местоблюстителя патриаршего престола митрополита Петра (Полянского), он стал заместителем местоблюстителя до смерти Петра (1937). Был несколько раз арестован. Последний раз — с 8 декабря 1926 г. до 12 апреля 1927 г. По выходе из тюрьмы вступил в свои права заместителя местоблюстителя, созвал Синод и в июле 1927 г. объявил о лояльности Русской Церкви к Советскому государству.

В первый день Великой Отечественной войны митрополит Сергий призвал православных на борьбу с врагом и заявил о поддержке государства. Русская Церковь оказала большую моральную и материальную помощь народу в борьбе с врагом. В начале сентябре 1943 г. состоялся Архиерейский Собор, который восстановил патриаршество и избрал патриархом Сергия Страгородского, положившего немало трудов на восстановление епархий, приходов, школ, официального печатного органа Московской патриархии — Журнала Московской патриархии. 15 мая 1944 г. патриарх Сергий скончался от инсульта.

Митрополит Палладий (Раев, 1827–1898)

Сын приходского священника в селе под Арзамасом. В 1842–1848 гг. учился в Нижегородской семинарии, в 1848–1852 гг. — в Казанской духовной академии, которую окончил со степенью магистра. Вернулся на родину назначением преподавать логику и психологию с патристикой в Нижегородской семинарии в философском классе. Об этом периоде так вспоминал А. Л. Катанский: «Живо помню, как в первый раз увидел Раева в семинарской церкви, за всенощной. Как теперь вижу его, высокого, худощавого, с характерным лицом. Тут же узнал от товарищей, что это новый профессор по философии, только что приехавший из Казани, второй, как тогда говорили, а на самом деле третий магистр этого курса, и что он специалист собственно по истории»[14].

В 1861 г. Раев овдовел, принял иночество, возведён в сан иеромонаха, в 1862 г. возведён в сан архимандрита и назначен инспектором Нижегородской семинарии, на следующий год переведён инспектором в Петербургскую

семинарию. В 1864 г. назначен ректором, в 1866 г. состоялась его хиротония во епископа Ладожского, викария Санкт-Петербургской епархии, затем он последовательно занимал кафедры Вологодскую, Тамбовскую, Рязанскую и Казанскую. В Тамбове и Рязани основал миссионерские противораскольничьи общества. В Рязани и Вологде учредил сберегательные кассы для духовенства, заботился об образовании детей священнослужителей, сирот и др. В 1877 г. определён экзархом Грузии, где реставрировал многие памятники церковной старины, привёл в хорошее состояние Грузинскую духовную семинарию, основал церковный печатный орган «Грузинский вестник». В 1892–1898 гг. был митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским. После себя оставил много интересных и поучительных проповедей.

П. В. Знаменский (1836–1917)

Кто-то сказал, что бывают историки-художники, историки-мыслители и историки-кроты. Пётр Васильевич относился к первым. К. В. Харлампович, профессор КазДА, исследователь его жизни и творчества, так и назвал свой труд о нём — «Историк-художник»[15]. А. В. Карташёв заметил, что «он не археолог, не критик документов, не аналитик, а синтетик, живописатель...»[16]. Его профессорская квартира была увешана недурно написанными картинами собственного письма.

Он родился в семье дьякона, служившего в храме рядом с Нижегородским театром. Это была церковь св. Георгия. Любовь к истории привила Петру бабушка, читавшая и рассказывавшая ему жития святых.

Его семинаристская пора пришлась на 50-е гг., когда Нижегородская семинария была в расцвете своих творческих сил. «Золотой век» её начался с 40-х гг. XIX в. (к сожалению, до нас не дошли семинаристские воспоминания профессора, которые он писал на склоне лет). Он окончил среднюю школу блестяще и был направлен в КазДА, в которой учился четыре года (1856–1860). Об этой высшей школе он оставил замечательные воспоминания-исследования в трёх томах. Его «История Казанской духовной академии» — фундаментальный труд по истории духовных школ. Здесь есть всё и о профессорско-преподавательской корпорации, и о материально-экономической базе, и о быте учащих и учащихся. Труд этот носит не казённый, официальный характер, а отмечен художественным талантом критического исследования. Русскую историю в семинарии читал знаменитый А. П. Щапов (1830–1876), который покорял аудиторию своими экзальтированными лекциями. Профессор был в неофициальных отношениях со студентами. Они приходили на его лекции-экспромты гурьбой, шумно восхищались им, шумно не соглашались и даже требовали от него освещения определённых тем под желаемым им углом зрения. Щапов периодически запивал, не являлся на лекции, пока его из квартиры не вытаскивали друзья-студенты. По окончании Академии Знаменский два года читал логику с психологией в Самарской семинарии, а затем был приглашен в alma mater на кафедру русской церковной истории, на которой дослужился до звания заслуженного ординарного профессора (1862–1897).

Скоро он преодолел концептуальное влияние своего учителя, составил вполне самостоятельную церковно-историческую систему, которая была воплощена в «Руководстве к русской церковной истории», за неё профессор получил в 1871 г. Макарьевскую премию. К 1888 г. эта книга выдержала пять изданий. А. В. Карташёв

пишет: «Автор обнаруживает солидное знание первоисточников, из которых им самостоятельно извлечено множество ценных фактов, обставленных многозначительными замечаниями и характеристиками, проливающими свет на характер целых эпох».

В письме к В. О. Ключевскому, с которым П. В. Знаменский знаком с 60-х гг., он ставил перед церковными историками необычную задачу освещения религиозной жизни народа, религиозных настроений и чувств народа. Важно подчеркнуть, что Пётр Васильевич не только теоретически формулировал эту задачу, но и практически воплотил эту идею в «Руководстве к русской церковной истории». А. В. Карташёв обратил на это внимание, отмечая, что профессор «с большой подробностью и с большим вниманием изображает внутреннюю жизнь церкви, религиозно-нравственное настроение русского общества»[18]. В 1896 г. Учебный комитет при Синоде рекомендовал «Руководство к русской церковной истории» в качестве учебника для семинарий. Этот «высококачественный учебник» *(Карташёв)* сохранил своё значение до наших дней. Примечательно, что докторскую диссертацию П. В. Знаменский посвятил приходскому духовенству, близкому и дорогому народу. В 1892 г. он получил от Московского университета степень доктора русской истории Honoris causa, был избран членом-корреспондентом Академии наук и почётным членом Казанского университета. В 1897 г. он вышел в отставку и более 20 лет жил на пенсии, занимаясь любимой наукой и публикуя в журналах многочисленные научные статьи.

Александр Львович Катанский

А. Л. Катанский (1836–1919) и Ф. Г. Елеонский (1836–1906)

Александр Львович Катанский родился в семье дьякона в бедном Сергиевском приходе. Семья жила «в крохотном домике, деревянном, довольно уже ветхом, где помещалось четверо хозяев: кроме семьи отца, ещё три брата с домочадцами»[20]. Здесь царили патриархальный быт и авторитарная педагогика. Отец «систематически удалял меня от всякого рода товарищей, даже, в этих видах, не позволял мне прислуживать в церковном алтаре... всё из опасения нравственной для меня порчи от сверстников, прислуживающих при богослужениях и подпадавших, по его наблюдениям, разным искушениям от попадавших в их руки, разными путями, денег. А денег в моих руках он боялся больше всего, потому до моего отправления в Академию у меня, безусловно, не было ни одной копейки в личном моем распоряжении, на что я в своё время, конечно, роптал, но за что теперь, оглядываясь на всю мою прошедшую жизнь, не могу не быть ему глубоко благодарным»[21]. Живя в одиночестве, мальчик вырос сосредоточенным, воспитывался на житиях святых и «Римской истории» Роллена.

В 10 лет его с Ф. Г. Елеонским отдали во 2 класс Нижегородского духовного училища, находившегося в нижнем этаже семинарии (нынешнее здание семинарии было выстроено в 1827 г.). В епархии было ещё три училища: Печёрское, Арзамасское и Лысковское. Катанский вспоминал: «Нравы и поведение учеников, как казённокоштных, так и своекоштных, живших на квартирах, хотя и были грубоваты, но далеко не были похожи на те, которые рисуются в известных «Очерках бурсы» Помяловского, так что по приезде в СПбДА и по прочтении этих очерков я не хотел верить, чтобы могло быть нечто подобное, да ещё в столичном духовном

училище. К сожалению, из бесед с новыми товарищами-петербуржцами я должен был убедиться, что изображение буден у Помяловского близко к истине, и удивлению моему не было конца. Отношения учителей и учеников в нашем училище было, по тому времени, очень гуманное. Хотя порядочно нас секли, но жестоких, повальных порок у нас совсем не было. И вот доказательства: я ни разу не был наказан розгами. Только один раз был к тому близок, именно во 2 классе учитель, по поводу не совсем твердого знания мною урока из русской грамматики, заметил: «Кажется, я ни разу тебя не высек, а следовало бы хоть раз», но так и не привёл своего намерения в исполнение. Вообще, считаю себя и своих товарищей счастливыми, что учились в Нижегородском духовном училище»[22]. Из училища Катанский вышел с основательным знанием древних языков. Главными предметами считались древние языки: греческий и латинский. Училище он окончил вторым учеником, а Елеонский — третьим или четвертым.

Фёдор Герасимович Елеонский

Затем друзья-родственники поступили в семинарию, где учились в 1852–1858 гг., то есть одновременно со Знаменским, который шёл на два класса выше. Семинария делилась на три класса. Низший класс — класс словесности — два года. В этом классе преподавались: словесность (или официальное название «риторика и поэзия»), всеобщая история, алгебра, геометрия и пасхалия, катехизис (Петра Могилы), «О богослужебных книгах», Священное Писание, греческий и латинский языки. Средний класс — философский — два года. В нём преподавались: логика и психология (один год), патристика (два года), библейская история, русская гражданская история, физика, естественная история и сельское хозяйство, Священное Писание, греческий и латинский языки. Высший класс — богословский — два года. В нём изучались: догматическое и нравственное богословие, «О должностях пресвитеров», учение о вероисповеданиях (с расколом), гомилетика, Священное Писание (Новый Завет), основание церковного законоведения и канонического права, церковные древности и обряды, церковная история, история Российской церкви (Муравьёва), чтение св. отцов Греческой церкви, медицина и сельское хозяйство. Учебник по русско-церковной истории А. Н. Муравьева, по мнению Таганского, был «крайне плохим». Он писал, что «по своей бессодержательности и обилию фраз и общих мест он с успехом мог конкурировать с учебником по всеобщей гражданской истории Кайданова... Вообще, у нас было очень мало знаний по истории русской церкви, что почувствовалось особенно на приёмном экзамене в Академию». Новые языки были необязательны, как и еврейский. Катанский избрал немецкий и встретился здесь «с весьма известным впоследствии литератором либерального лагеря Н. А. Добролюбовым, который был тогда в богословском классе, состоял первым по списку и славился необыкновенной даровитостью, таким же трудолюбивым и примерным поведением... В это время он поражал нас своим видом очень благовоспитанного юноши, скромного, изящного, всегда хорошо одетого, с нежным, симпатичным лицом. Он был похож на красную девушку, и никаким образом не могло прийти мне в голову, что из него выйдет такой литературный деятель, да ещё известного направления. В семинарии ходили тогда слухи о большой его даровитости и необыкновенном трудолюбии, рассказывали, что он писал огромные сочинения на задаваемые темы, просиживая за ними целые ночи, что его родители отбирали у него даже свечи для прекращения его ночных занятий»[23].

О педагогах семинарии Катанский отзывался с похвалой, как о даровитых людях, которые «добросовестно и умело исполняли свои нелёгкие обязанности, несмотря на крайне скудное жалование, что заставляло большинство учителей, за очень малым исключением, занимать священнические места или в приходских церквах или законоучителями в различных учебных заведениях по совместительству». Выше отмечалось, что в Нижегородской семинарии не было палочной дисциплины. В низших классах опоздавших ещё ставили на колени, в среднем уже и этого не было. Наказание розгами допускалось лишь в экстремальных случаях «при совершении каких-либо особо важных проступков и производилось не в классах, а в правлении семинарии, чрез сторожей, по особому определению правления, таких случаев припоминается не более двух за весь семинарский курс»[24]. Катанский семинарию закончил первым, в 1858 г., в тот год данное учебное заведение было признано лучшим в Казанском учебном округе. Александр Львович по существовавшей традиции получил направление в КазДА, но туда не поехал. В следующем году он вместе с Ф. Г. Елеонским направился волонтёром в столичную академию. (Кстати, в Петербурге было две академии — римско-католическая на Васильевском острове и православная в Александро-Невской лавре). Как волонтёры, они должны были нанять квартиры на время вступительных экзаменов и поселились как раз в том доме, в котором в 1853 г. жил Н. А. Добролюбов. Литератор, не окончив полного семинарского курса, стремился в университет, но этого не желал его отец, а потому он избрал СПбДА. Катанский узнал, что одновременно (с 17 августа) производятся приёмные экзамены в педагогический институт, что поступить туда, пожалуй, даже легче, чем в академию, что институт — ВУЗ — не хуже университета, с полным казённым содержанием. И он решает попробовать держать там экзамены. К ним он допущен был без документов, а на экзамены в академию не ходил, сказавшись больным. После сдачи экзаменов в институт он начал хлопотать о получении документов из академии. Однако интерес к православию всё-таки победил, и Катанский, несмотря на сомнения, становится студентом СПбДА. Интересно отметить, что семнадцати лет от роду А. Л. Катанский и Ф. Г. Елеонский были на похоронах Н. А. Добролюбова на Волковом кладбище. Они нашли там 30–40 человек, бедно и неряшливо одетых, с всклокоченными длинными волосами. Вошли в церковь, и вся эта «литературная братия приняла самые непринужденные позы, почувствовала себя в церкви как дома, многие встали спинами к иконам и алтарю и занялись громким разговором». Священник призвал их к порядку, но ни один из них не перекрестился за литургией и отпеванием. На панихиде выступили Некрасов, Чернышевский и др. Катанский вспоминает: «Вот и всё, что мы видели и слышали при похоронах нашего, во всяком случае выдающегося по своей даровитости, земляка и бывшего нашего совоспитанника по родной семинарии»[25].

Но вернёмся к Катанскому и Елеонскому. Хотя они и сдали вступительные экзамены в СПбДА, результаты их не были блестящими. Первый занял лишь тридцать девятое место, а второй — шестнадцатое. Однако это всё-таки была случайность, и закончили Академию Катанский вторым, а Элеонский девятым — магистрами. Катанского направили в МДА, он четыре года преподавал церковную археологию. А Елеонский до 1870 г. (с 1864-го) преподавал в Литовской семинарии, а с 1870 г. был принят в СПбДА доцентом на кафедру библейской истории. В 1867 г. Катанский занял кафедру догматического богословия в СПбДА, которую занимал 30 лет до выхода в отставку в 1896 г. Ему принадлежат многочисленные труды по догматическому богословию. Его докторская диссертация была посвящена теме: «Догматическое учение о семи церковных таинствах». В своих трудах он выступал убежденным сторонником исторического метода в богословии, то есть различал в догмате неизменную сущность и внешнюю форму, «подлежащую историческому уточнению и совершенствованию». Катанский был деятельным

членом славянофильского кружка, возглавляемого И. С. Аксаковым. Александр Львович стал заслуженным ординарным профессором; почётным членом сразу трёх духовных академий (СПбДА, КазДА, МДА).

Ф. Г. Елеонский также закончил свою научную карьеру заслуженным ординарным профессором, действительным статским советником. Его докторская диссертация на тему: «История израильского народа в Египте от поселения в земле Гесем до Египетских казней» — получила высокую оценку специалистов. Он считался одним из лучших библеистов среди профессоров духовных академий.

Александр Иванович Садов

Садов Александр Иванович (1850–1930)

Выпускник Нижегородской семинарии, затем окончил СПбДА. Филолог, специальность — римская литература и римская религия. Защитил докторскую диссертацию по церковной истории на тему: «Древнехристианский церковный писатель Лактанций» (СПб., 1895 г.). В 1891–1892 гг. редактировал журнал «Христианское чтение», заслуженный ординарный профессор СПбДА.

А. Ветелев (1892–1976)

Имя выпускника Нижегородской семинарии Александра Ветелева является своеобразным символом связи между старыми, дореволюционными духовными школами и новыми учебными заведениями этого типа.

Родился А. Ветелев в 1892 г. в селе Черном (ныне г. Дзержинск) Нижегородской губернии в семье дьякона, в которой было десять детей. Многодетные родители растили своих чад в тяжёлых условиях бедного сельского прихода, с младенчества приучая к труду и воспитывая стремление к образованию.

Александр получил традиционное для духовного сословия образование. Учился в Нижегородском духовном училище (1903–1907), где любимыми предметами были греческий язык, география и священная история Ветхого и Нового Заветов. Много читал и делал попытки писать самостоятельные рассказы[26].

Окончив по I разряду училище, в 1907 г. поступил в Нижегородскую семинарию на казенный кошт с правом проживания в семинарском общежитии, а последний учебный год (1912–1913) — в Благовещенском монастыре. В богословском классе испытал сильное влияние преподавателя богословских наук (основного, нравственного, догматического богослова), магистра богословия Ф. Л. Елеонского, члена той же семьи, к которой принадлежал А. Л. Катанский. Будущий известный гомилет с 6 класса, как член проповеднического кружка, проповедал во многих храмах города.

Со званием студента семинарии (окончил по I разряду вторым) был направлен на казенный счёт в Казанскую духовную академию, где успешно выдержал приёмные экзамены (был пятым из 57 абитуриентов). Учась на словесно-философском отделении, увлекался историей философии, логикой, психологией, метафизикой (кроме того, прослушал полный курс по истории философии в Казанском университете у профессора Гуляева), богословскими науками, славянской философией и русской литературой.

Будучи членом философско-богословского академического кружка, старательно изучал В. Соловьева, М. Тареева, Павла Флоренского, Трубецких, Лопатина, Лосского, Челпанова. В «Автобиографии» он писал: «За время пребывания в Академии находился под сильным

влиянием профессора Несмелова Виктора Ивановича. Три года подряд слушал его лекции по логике и метафизике, штудировал «Науку о человеке», провёл около него лето 1516 г. в монастыре «Раифская пустынь» (под Казанью), пользуясь его беседами по всем интересующим меня вопросам»[27]. Его кандидатское сочинение по литературе «Новиков Н. И. и русское масонство» (рецензенты доцент А. Е. Лушников и профессор В. И. Несмелов) признали удовлетворительным для получения искомой степени. Совет академии 12 июня 1917 г. предоставил ему (с учётом великолепно выдержанных устных экзаменов) «право на преподавание в семинарии и при искании степени магистра богослова не держать новых устных испытаний».

Александр Ветелев

Шёл 1917 год, в стране царили хаос, неопределенность. Диплом богослова остался невостребованным, его призвали на военную службу в Черноморский флот. Недолго Александр плавал шифровальщиком. После сильного морского шторма он понял, что не рождён для моря и списался на берег (август 1918 г.).

В годы Гражданской войны (1918–1922) А. Ветелев жил и работал в Крыму: в частной Севастопольской женской гимназии и ремесленном училище преподавателем словесности и литературы. «Широкий размах русской революции вызвал у меня глубокий интерес к отечественной жизни и проблемам государственного устройства. Это побудило меня в том же 1918 г. поступить в Севастопольский юридический институт, работавший по вечерам. В этом институте я с особым интересом занимался по социологии, политологии, истории, фило софии права, энциклопедии права, государственному праву, церковному праву и др.», — писал он в «Автобиографии»[28].

После Гражданской войны А. Ветелев полностью отдаётся педагогике. С 1924 по 1930 гг. работает методистом с беспризорниками, заведующим и преподавателем Детского городка в г. Пущине под Москвой. Для совершенствования педагогического мастерства он в 1929 г. заканчивает Московский вечерний педагогический институт. С 1930 г. работает на рабфаках. Написал большую научную работу «Элементы диалектики в русском языке», которая не была напечатана, как предполагает автор, по идеологическим соображениям.

Как ни увлечён был Александр работой в школе, он всё больше испытывал неудовлетворение. «Огромная нагрузка в учебной, методической, научной и общественной работе, — писал он в «Автобиографии», — надломила здоровье и привела к внутреннему кризису. В 1938 г. меня решительно потянуло в «родные Палестины»: к активной связи с церковью, с верой, с духовной литературой и работой над собой в этом новом (вернее, старом) направлении. Военный период 1940–1945 гг. усилил и окончательно определил моё умонастроение, выливающееся в потребность активно работать в религиозно-церковной сфере»[29]. И в 1945 г. он был принят в Богословский институт (с 1946 г. — духовная академия), открытый в 1944 г., доцентом кафедры гомилетики.

В следующем году был рукоположен во священника приходской общины Успенской церкви при Богословском институте (Новодевичий монастырь).

В 1950 г. Советом МДА ему присвоена (после защиты) учёная степень магистра богословия за академический курс лекций по гомилетике.

С 1953 г. о. Александр преподавал, кроме церковного красноречия, патрологию, пастырское богословие и литургику.

В 1957 г. он был освобождён от педагогической работы по состоянию здоровья, но Совет академии утвердил представленную о. Александром на соискание учёной степени доктора богословия тему: «Пастырская душепопечительность и её значение в пастырском служении и в духовном возрастании пастыря».

В 1965 г. после восьмилетнего перерыва о. Александр возобновил занятия в духовной академии.

В 1967 г. 75-летний старец успешно защитил докторскую диссертацию (из 18 голосовавших — 17 положительных голосов). Его труд состоял из пяти томов:

Том I (в двух частях) — Божественная литургия. Опыт изъяснения применительно к требованиям пастырской душепопечительности.

Том II — Сборник недельных (воскресных) поучений.

Том III — Сборник великопостных и пасхальных поучений.

Том IV — Сборник праздничных поучений.

Том V — Статьи:

1. О пастырской душепопечительности.
2. Богословское содержание иконы «Святая Троица» преподобного Андрея Рублёва.
3. Гефсимания.
4. Христос и грешница.

В 1972 г. в связи с 80-летием о. Александр был награждён Святейшим патриархом Пименом орденом св. Владимира II степени.

Кроме названных работ, о. Александру принадлежат следующие труды (хранятся в библиотеке МДА):

1. Краткий курс по истории древнегреческой философии и этики.
2. Курс лекций по пастырскому богословию.
3. Краткий курс по патрологии (восточные отцы Церкви, с V по VIII вв.).
4. Некоторые черты из внутренней жизни животных (В связи с вопросом о сознании и самосознании человека).
5. Преподобный Феодор Студит (как церковный песнотворец) и др.

Александр Ветелев своим отношением к церковной науке, церковному образованию воспитал многих учеников. Он, как и многие другие выходцы из «старых академий», помог сохранить преемственность в богословском образовании в России.

Примечания и ссылки:

1. См.: Можаровский А. Нижегородская семинария за I период существования (1721–1765) // Нижегородские епархиальные ведомости. 1895. — № 16. С. 444.
2. Макарий (Миролюбив), иеромонах. Исторический очерк Нижегородской семинарии. Н. Новгород, 1866. С. 2.
3. См.: Тихов Л. Краткая памятная записка Нижегородской семинарии. Н. Новгород, 1905.
4. См.: Катанский А.Л. Воспоминания старого профессора // Христианские чтения. 1914. Март. С. 351.
5. Там же. 1914. Январь. С. 57.
6. Там же. С. 60.
7. Патриарх Сергий и его духовное наследство. М., 1947. С 15.
8. См.: Архив Горьковской области. Ф. 567. Оп. 1. Д. 62. Журналы заседания правления Нижегородской духовной семинарии за 1886 г.
9. Патриарх Сергий и его духовное наследство. С. 18-19.
10. Там же. С. 31.
11. См.: Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1994. С. 103.
12. Патриарх Сергий и его духовное наследство. С. 24.
13. Там же. С. 31.
14. Там же. С. 217.
15. См.: Харлампович К.В. Историк-художник // Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института. Т. 1–2. Казань, 1920.
16. Карташёв А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991. Т. 1. С. 30.
17. Там же. С. 30.
18. Там же.
19. См.: Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времён реформ Петра. Казань, 1872.
20. Катанский А.Л. Воспоминания старого профессора // Христианское чтение. 1914. Янв. С. 62–63.
21. Там же.
22. Там же. С. 63.
23. Там же. С. 345.
24. Там же.
25. Там же. Май. С. 588.
26. Архив МДА. Личное дело профессора-протоиерея А. Ветелева.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же.

Александр Владимирович Ворохобов,
доктор философских наук и кандидат богословия, доцент, проректор по научной работе Нижегородской духовной семинарии

История и методология образования и воспитания **в Библии**

Образование важно для выживания любой социальной группы, так как общество способно длительное время существовать и развиваться только посредством передачи своих накопленных знаний следующему поколению. Образование в самом простом и узком смысле является процессом обучения и изучения, передачей и усвоением знаний и умений.

Потребность в образовании была столь же актуальной для израильтян, как и для всех других народов древнего мира. Священные тексты Ветхого Завета указывают на то, что благополучие еврейского народа и непрерывность его культуры были обусловлены знанием и послушанием закону, данному Богом (Ис. Нав. 1: 6–8). Процветание, увеличение и долговечность народа Божия зависели от того, будут ли израильтяне учить

своих детей любить Бога, знать и исполнять Его повеления (Втор. 6: 1–9). Аналогично и учение Нового Завета, связывающее успех Церкви Христовой с тем, насколько она является «солью» и «светом», обращенным в проповеди к «темному» миру (Ин. 13: 34–35; Еф. 4: 14; 1 Тим. 1: 10; Тит. 2: 1).

Так как образование является основным условием бытия любого общества, естественно, что основополагающие образовательные идеалы, методы и принципы схожи в разнообразных человеческих сообществах. Поэтому неудивительно, что образовательные методы израильтян похожи на подходы, распространённые среди других народов, населявших территорию древнего Ближнего Востока. Целью образования была передача нравов и ценностей сообщества, профессионально-технических навыков и определенной религиозной традиции с её идеалами. Итогом такого образования считался образцовый гражданин, лояльный к семье, богам и правителю, успешный и активный в жизни своего народа.

Обучающий метод, преимущественно, был основан на зазубривании. Запоминание учебных материалов достигалось посредством декламации и письма. Характерной чертой образования была его планомерность, когда занятия проводились в строго определенное время дня и в определенном количестве в течение учебного года. Преподаватели не просто обучали определенному набору знаний, но также считались (наравне с родителями) образцами для подражания для своих учеников в образе жизни.

Основным образовательным учреждением в Древнем Египте и Месопотамии являлся дом. Родители

и старейшины клана были ответственны за образование детей. Изобретение системы письма и возрастающие тенденции к урбанизации привели к возникновению специализированных школ, связанных с главными учреждениями древнего мира — с храмом и дворцом. Учитывая то, что образование сосредотачивало свои усилия на профессиональном обучении и нравственном развитии, школы при храмах и дворцах были устроены так, чтобы выпускать грамотных и информированных религиозных деятелей и общественных администраторов.

Однако более примечательными, чем общие черты в образовании между народами древнего мира и еврейским народом, представляются различия между их образовательными идеалами и методами. При этом важно подчеркнуть, что эта разница в образовании была непосредственно связана с исключительными чертами еврейской религии. В связи с этим можно выделить пять основных особенностей, которые не были характерны для религий древнего Ближнего Востока.

Во-первых, акцент на обособленность и исключительность еврейской веры означал, что образование должно уважать человека и стремиться развивать его как целостную личность.

Во-вторых, акцент на отцовстве Бога в религии Израиля придавал особый смысл в контексте отношений «Создатель — творение» и указывал на осмысленность и целенаправленность истории. Таким образом еврейское образование подчеркивало

важность познания и усвоения законов и событий Божия Промысла в истории.

В-третьих, идея личной свободы в еврейской религии обеспечивала статус мужчины и женщины как свободных существ в общей иерархии сотворённого; аналогично еврейское образование подчеркивало и то, что человек ответственен перед Богом и другими людьми, а образование должно учить его правильному поведению.

В-четвертых, самосознание израильтян в качестве богоизбранного народа стимулировало бытие националистического подтекста в еврейской религии и образовании. Израильтяне для того, чтобы быть особым владением Бога, должны были постоянно соотносить свою жизнь с Его святостью, в то время как с точки зрения образования они были обязаны донести весть о святости Бога другим народам, сами будучи «инструментом» их просвещения.

В-пятых, учение о человеческой греховности отпечатывается и на иудейской религии, и на еврейском образовании. Мысль о слабости и греховности человека предполагала идею посредничества, чтобы преодолевать разрыв между справедливым Богом и Его падшим творением. С точки зрения образования всё это подразумевало, что человеческие знания и мудрость являются испорченными и ограниченными и что для усвоения определенных истин требуется Божественное просвещение, а для совершения правильных поступков — особая помощь от Бога.

В иудейском образовании времен Ветхого Завета можно выделить следующие стороны: объективную (внешнюю и содержательно ориентированную), субъективную (внутреннее и личностно ориентированную), познавательную (акцент на интеллект), эмоциональную (акцент на волю и эмоции). Человек, вовлеченный в образовательный процесс, развивался через повторение и наблюдение закономерностей, базирующихся в свою очередь на опытном изучении (исполнении), слушании, декламации и подражании. При этом навыки критического мышления считались важнейшим результатом образования, так как позволяли применять изученное в обыденной жизни.

Цели ветхозаветного образования могут быть прослежены на примере Откровения, которое Бог дал Аврааму по поводу разрушения городов Содома и Гоморры (Быт. 18: 18–19). Здесь Бог говорит Аврааму о том, что он должен направить своих детей *«путем Господним»*. Это Божественное требование воплощает в себе самую суть еврейского образования в Ветхом Завете, закрепляя первостепенное значение в воспитании и образовании за родителями. Кроме того, этот отрывок определяет желаемый результат образования, заключающийся в том, чтобы люди реализовывали свои лучшие качества, живя праведно и справедливо. Тем, кто был научен родителями *«пути Господню»* и следовал ему в практической

деятельности, должен был составить *«великий и сильный»* народ Божий.

Что же именно подразумевается под *«путём Господним»*? В целом, это знание и послушание воле Божией, показанной в Его делах и словах, имевших место в истории Ветхого Завета. «Путь», или воля Божия, является отражением Его самобытного существования. Если люди любят своих ближних как самих себя (Лев. 19: 18), живут праведно и справедливо (Быт. 18: 19), стремясь к святости (Лев. 11: 44), то они действуют подобно Богу, являясь отражением Его вечных качеств.

В более узком смысле *«путь Господень»* означает содержание особого рода соглашений (заветов) Бога с Его народом. Эти соглашения были литературно оформлены в виде договора, в котором описывались обязанности заключивших его сторон. За исполнение условий договора народу Израиля полагались различные блага, за нарушение — наказания.

Таким образом, иудейское образование было, по сути своей, инструкцией по выполнению договора с Богом. Пророк Моисей суммировал основное содержание этого договора в своём прощальном обращении к израильтянам: *«Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло. [Я] которые заповедую тебе сегодня, любить Господа Бога твоего, ходить по путям Его и исполнять заповеди Его и постановления Его и законы Его, то будешь жить и размножишься, и благословит тебя Господь Бог твой на земле, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею; если же отвратится сердце твое, и не будешь слушать, и заблудишь, и станешь поклоняться иным богам и будешь служить им, то я возвещаю вам сегодня, что вы погибнете и не пробудете долго на земле, для овладения которою ты переходишь Иордан. Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое»* (Втор. 30: 15–19). Позже псалмист сконцентрировал содержание договора с Богом в фразе *«закон Господень»* (Пс. 118: 1).

Вполне понятно, что содержательная сторона еврейского образования становилась обширнее в процессе истории, когда Бог в течение столетий Ветхого Завета постепенно открывал израильтянам Свои спасительные планы. К примеру, детали договора Бога с Авраамом занимают три главы в книге Бытие (12, 15, 17). В отличие от этого, детали закона Моисеева становятся лейтмотивом обширной библейской литературы, составляя основное содержание книг Исход, Левит, Числа и Второзаконие.

Поскольку израильтяне считали Бога господином истории, которая полна Его чудесных действий в контексте человеческого бытия, история также стала частью содержания и учебным планом еврейского образования. Чтение Писания и праздники, возвещающие о Божественных деяниях в истории человечества, учили иудеев тому, Кем является Бог и каковы Его цели в творении. Основным примером этой исторической направленности

было событие Пасхи и исход из Египта (Исх. 12: 24–27; 13: 11–16).

Во времена еврейской поэзии, литературы, мудрости и пророческой традиции образование, как и прежде, в первую очередь было направлено на усвоение договора Бога с Израилем. Традиция мудрости служила практическим комментарием относительно закона и условий договора, в то время как пророческая традиция функционировала как богословский комментарий относительно закона Ветхого Завета. В качестве юридической традиции, связанной с договором, и мудрость, и пророчество были направлены на конкретные поведенческие результаты, то есть на любовь к Богу, на справедливость и праведность (Притч. 1: 3; 2: 9; Ос. 6: 6; Мих. 6: 8).

Что касается конкретной практики образования, то до пяти лет оно обычно было домашним, что в особенности было в сфере ответственности матери, няни или опекуна мужского пола. Мальчики в возрасте от пяти до двадцати лет обыкновенно работали со своими отцами, постигая навыки мастерства. Без сомнения, родительское наставление в *«пути Господнем»* осуществлялось и в течение этого периода жизни ребенка, будучи подкрепляемым богослужебным ритуалом и общим религиозным настроем общества. В позднем иудаизме мальчики в возрасте от пяти до двадцати лет обучались закону Божию в школах при синагогах. В двадцать лет молодой человек считался готовым к браку и самостоятельному труду, а в тридцать лет он официально считался полностью совершеннолетним.

Девушки обычно воспитывались в «законе Господнем» и приобретали социально необходимые навыки дома под руководством матери или близких родственниц. В профессиональном плане женщина могла стать няней, акушеркой, ткачем, парфюмером, певицей, плакальщицей и служанкой. В некоторых случаях женщины могли занимать высокое общественное положение, как судья и пророчица Девора (Суд. 4: 4–5) и пророчица Олдама (4 Цар. 22: 14–15). Вполне вероятно, что женщины царского происхождения проходили некоторое формальное обучение, подобное тому, что получали высокопоставленные мужчины, поскольку они были частью официальной политической системы, а правление царицы было вполне возможным в древнем Ближневосточном мире.

Образовательные подходы, обрисованные в общих чертах в текстах Ветхого Завета, давали обильные благословения Божии еврейскому народу. Эти благословения обеспечивали политическую независимость и безопасность, сельскохозяйственное и экономическое процветание (Лев. 26: 1–8). Сложившаяся практика в образовании гарантировала общность веры и социальную стабильность (Лев. 19: 15, 18). Образовательные стратегии были направлены на то, чтобы соблюдались условия Завета и через послушание Богу и надлежащее исполнение религиозных ритуалов гарантировались блага от Бога и Его присутствие в Израиле (Лев. 26: 9–12).

Во времена Ветхого Завета ответственными за образование молодежи агентствами были дом (семья), общество и формальные

образовательные центры. При этом важно помнить, что описанный в Священном Писании процесс образования ориентирован, прежде всего, не на систематическое изучение чего-либо в специальных учреждениях, а на семью и общество. Что касается домашнего образования, Ветхий Завет подчеркивает исключительную роль отца в качестве учителя, хотя, в целом, обоим родителям вменяется в обязанность обучение своих детей. Так, к примеру, типичным выражением такого подхода может являться следующее высказывание: *«Сын мой! храни заповедь отца твоего и не отвергай наставления матери твоей; навяжи их навсегда на сердце твое, обвяжи ими шею твою. Когда ты пойдешь, они будут руководить тебя; когда ляжешь спать, будут охранять тебя; когда пробудишься, будут беседовать с тобою»* (Прит. 6: 20–22).

Поскольку древний Израиль был в значительной степени клановым обществом, «расширенная» семья (бабушки, дедушки, дяди, тети, кузены) также могла участвовать в образовательном процессе. Домашний «учебный план» был одновременно и религиозным и профессиональным, поскольку родители и другие члены семьи учили детей и *«страху Господню»* (Прит. 2: 5), и семейной рабочей специальности.

Так как все израильтяне состояли в отношениях договора с Богом, религиозное сообщество также играло важную роль в образовании еврейской молодежи. Общественное наставление было исключительно религиозным по своей сути и целям, принимая форму дидактического и исторического осмысления, нравственного обучения, знака и символа, запоминания и катехизиса, общего праздника и совершения богослужения. Яркими примерами образования со стороны общества могут служить три больших паломничества в праздники Опресноков, Седмиц и Кущей (Втор. 16: 16), общественное чтение Мосеева закона каждый седьмой год (Втор 31: 12–13), ежегодные национальные праздники/фестивали, соблюдение субботы, исторические памятные даты, архитектура скинии/храма и их обстановка, жертвенная система, а также священнические облачения и литургические действия.

Хотя у нас нет достаточного количества необходимых письменных свидетельств, всё же, по аналогии с повсеместно распространёнными методами остальной части древнего Ближнего Востока, можно полагать, что в древнем Израиле существовали и формальные учебные центры. Намеки на существование такого рода организованных школ во множестве рассеяны по страницам всего корпуса ветхозаветных текстов. Речь может идти и об особых пророческих школах (4 Цар. 2: 3; 6: 1–2), и о традиции мудрости, зафиксированной в Притчах Соломоновых, и о храмовой музыкальной школе в Иерусалиме (1 Пар. 25: 1–8).

Помимо формальных учебных центров, Ветхий Завет демонстрирует, что специализированное обучение осуществлялось также в рамках различных профессиональных гильдий. Чаще

всего обучали военному делу, прикладному мастерству (кузнецы, ремесленники, ткачи, гончары), музыке, учили быть царскими чиновниками (писцы, историки, надзиратели), служителями храма (священники, левиты, привратники, казначеи, судьи), а также прислугой (акушерки, повара, пекари, парфюмеры).

Что касается образования в период позднего иудаизма, то важнейшей особенностью этого периода стало возвышение синагог в качестве как религиозных, так и образовательных учреждений. Кроме того, в это время возникают специальные школы для переписки, изучения и комментирования еврейских священных текстов под руководством известных раввинов. В связи с этими новыми тенденциями стоит особо упомянуть два обстоятельства, которые имеют богословское значение для Нового Завета и христианства.

Во-первых, в формативный период позднего Иудаизма (примерно от реформ Ездры до времени Маккавеев) произошло расширение религиозного содержания еврейского образования. Новый материал, известный как Мишна, являлся накопленной устной традицией, дополняющей Моисеев закон. Наряду с комментариями, Мишна в конечном счете была зафиксирована в Талмуде, ставшем финальной письменной формой этой устной традиции. Талмуд в еврейских раввинских школах стал иметь равное значение со Священными Писаниями Ветхого Завета. Отчасти именно это привело к отчуждению между Иисусом Христом и религиозными еврейскими лидерами, поскольку Христос отверг власть этой устной традиции, порицая религию, которая пренебрегла законами Бога, чтобы соблюдать традиции людей (Мк. 7: 1–9).

Во-вторых, акцент на соблюдение Торы в конечном счете привел к фарисейской мелочной законности, когда важным стало даже вычисление веса специй для налога (Мф. 23: 23), а сама сущность закона Божия, предполагающая безоговорочную преданность Ему, правосудие и милосердие были забыты. Как ни странно, всё это воспринималось в качестве исполнения того образовательного поручения, которое Бог дал Аврааму (Быт. 18: 19).

Что касается образования во времена Нового Завета, следует отметить, что большая часть образовательных стратегий была просто перенята из Ветхого Завета и иудаизма. Например, семья осталась основным образовательным контекстом, а Церковь воспринимается в качестве расширенной семьи. Аналогично и цель образования целостной личности, её ума и характера перенята из ветхозаветных подходов. Даже методология прививания знания и развития врожденных талантов и способностей ученика находит свои параллели в Ветхом Завете.

Новый Завет сосредотачивает свое внимание на образовании целостного человека (интеллект, эмоции, воля), обучая через личные отношения (то есть отношения воспитателя/учителя и ученика). Особо важные богословские истины должны были быть усвоены не просто умом, но и личным опытом жизни: *«Дети мои! сие пишу вам, чтобы вы не согрешали; а если бы кто согрешил, то мы имеем ходатая пред Отцем,*

Иисуса Христа, праведника; Он есть умилостивление за грехи наши, и не только за наши, но и за [грехи] всего мира. А что мы познали Его, узнаем из того, что соблюдаем Его заповеди. Кто говорит: «я познал Его», но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем истины; а кто соблюдает слово Его, в том истинно любовь Божия совершилась: из сего узнаем, что мы в Нём. Кто говорит, что пребывает в Нём, тот должен поступать так, как Он поступал» (1 Ин. 2: 1–6). Важнейшим обстоятельством для ранней Церкви в процессе обучения и возрастания в вере являлось воздействие на ученика Духа Божия (1 Ин. 2: 26–27).

Согласно сообщениям Евангелия, большая часть общественного служения Иисуса Христа была посвящена обучению Его учеников и других людей. Христос был признан учителем (или раввином) Его учениками, широкой публикой и еврейскими религиозными лидерами, включая Никодима, который назвал Иисуса как *«Учителем, пришедшим от Бога»* (Ин. 3: 2). Сам Христос также называл Себя Учителем (Мк. 14: 14; Ин. 13: 13).

Евангельские тексты сообщают, что люди были удивлены или поражены учением Иисуса (Мк. 1: 22; 11: 18; Лк. 4: 32). Что же сделало Господа таким необыкновенным учителем? Несомненно, дело в том, что Он не просто талантливый человек, но ставшая человеком Премудрость Божия, Божественный Логос. Подход, метод и содержание, используемые Христом в Его обучении людей, продолжают быть парадигматическими и для христианского образования.

Евангельские тексты показывают, что Христос часто использовал обстоятельства встречи с тем или иным человеком для того, чтобы вовлечь его в процесс обучения. Ярким примером такого подхода может служить женщина из Самарии, которую Христос встретил у колодца, и, попросив у нее воды, стал учить её относительно высшей реальности. Христос, говоря в начале о простой воде, перешёл к духовным смыслам, подразумевая под водой Своё учение и Божественную жизнь, которая в Нём Самом заключается. Тот, кто примет Его и Его учение, тот никогда не захочет пить другой воды и у него никогда не будет жажды духовной (Ин. 4). Иисус не боялся скрыть истину от тех, кто её не искал, или от тех, кто по своей гордости полагал, что уже обладает ею (Мф. 13: 10–17).

Обучающие методы Христа были разнообразными. Вне зависимости от того, использовались ли при этом наглядные примеры или альтернативные формы изъяснения (притча, риторический вопрос, личная или общественная беседа), Христос всегда удерживал внимание того, с кем говорил. Кроме того, удивительным для всех слушающих Христа было то, что Он преподавал с властью. Дело не только в том, что Он убедительно и динамично говорил, но и в том, что Его учение звучало столь же авторитетно, что и слова Бога в Ветхом Завете.

Если обратиться к истории Церкви во времена святых апостолов, то здесь важным моментом становится наставление в христианской вере и обличение ложных мнений. Обучение здравому христианскому учению предохраняло Церковь от увлечения ересями (Еф. 4: 14; 2 Фес. 2: 15; Евр. 13: 9). Исходя из этого, апостольское наставление предполагало не только положительный аспект (наставление), но и отрицательный (обличение и увещевание) (1 Тим. 6: 1–5; 1 Петр. 5: 12). Апостолы всегда подчеркивали, что истинное христианское учение должно быть сопряжено с соответствующим образом жизни: *«Во всем показывай в себе образец добрых дел, в учительстве чистоту, степенность, неповрежденность, слово здравое, неукоризненное, чтобы противник был посрамлён, не имея ничего сказать о нас худого»* (Тит. 2: 6–10).

Обучение в вере, наряду с откровением и пророчеством, считалось необходимым условием для созидания Церкви (1 Кор. 14: 6, 12). Обучение было неотъемлемой составляющей апостольской миссии, поскольку Христос заповедал Своим ученикам

возвещать Евангелие всем народам (Мф. 28: 20). Изначально обучение включало в себя систематическое устное наставление в вере (Деян. 2: 42), а также публичное чтение и изъяснение Писания (1 Тим. 4: 13). Позже устный катехизис стал необходимой прелюдией к таинству крещения. Считалось, что через устное наставление в вере люди могут не только знать истину, но и избегать ловушек диавола (2 Тим. 2: 24–26).

Поскольку обучение было необходимо для веры, жизни и возрастания, Христос обеспечивал свою Церковь духовными дарованиями, которые, помимо остальных, включали в себя и дар учительства (Еф. 4: 11; Рим. 12: 7; 1 Кор. 14: 6). С самых первых дней существования Церкви учителя, наряду с апостолами и пророками, стояли во главе христианских общин (Деян. 13: 1). Кроме того, одним из требований к служению пресвитеров и епископов была способность преподавать (1 Тим. 3: 2; 2 Тим. 2: 24). Основной целью христианского образования, согласно апостолу Павлу, является приведение человека к зрелости во Христе (Кол. 1: 28).

Новый Завет предлагает нам несколько важных педагогических и богословских уроков, которые должны учитываться в современном христианском образовании. Во-первых, обучение должно быть направлено на целостного человека: его ум, чувства, волю и тело. Во-вторых, Новый Завет понимает образование как процесс, предполагающий не только привитие знаний, но и позволяющий раскрыться самому ученику. В-третьих, образование должно быть связано с нравственностью, то есть знание предполагает соответствующий образ жизни. Личный пример учителя здесь видится весьма важным.

Алексей Адольфович Пешков,
кандидат богословия, кандидат философских наук, преподаватель Нижегородской духовной семинарии

Современные вопросы преподавания патрологии в России: **опыт Нижегородской духовной семинарии**

Если сравнить существующие богословские дисциплины с точки зрения их освоения и обеспеченности учебным материалом, то предмет «Патрология» по обилию пособий и монографий, на первый взгляд, выглядит достаточно разработанным. Однако такое суждение справедливо лишь по отношению к дореволюционному времени, когда и была создана основная масса этих работ, была воспитана и трудилась целая плеяда талантливых патрологов. Что же касается современности, то здесь патрология является наследницей бед, обрушившихся на Русскую Православную Церковь в советский период, и разделяет общую судьбу отечественного школьного богословия: малочисленность обновленных курсов и монографий, отражающих современное

состояние науки. В разработке и использовании современных методов преподавания также наблюдается некоторый застой.

Прежде всего необходимо сказать о различии в содержании существующих курсов, которое приводит ко вполне объяснимому желанию «иметь схему обязательных отцов», то есть к необходимости унифицировать содержание предмета.

Однако сложность заключается не только в том, творения каких именно святых отцов считать более значимыми в богословском наследии Церкви. Необходимо учитывать характер самого материала, который не однороден по составу: за трудами послеапостольского века следуют иные, отражающие борьбу с зарождавшимися ересями, и первый опыт освоения философии, что, в свою очередь, перемежается с богословским взлетом IV века, и т. п. При этом каждый период имеет свое место и значение в истории раскрытия Откровения в святоотеческих трудах, так что приходится делать непростой выбор, столкнувшись с колоссальной массой материала, который только в источниках насчитывает сотни томов.

Задачей — дать ученикам знания по объему «обязательных отцов», труды которых определяют собой вехи в развитии святоотеческой мысли, — не исчерпывается предмет патрологии, так как весь остальной объем святоотеческого наследия оказывается труднодоступным для учащегося. Поэтому цель курса видится в необходимости привить студентам навыки самостоятельной работы, научить их самих работать с материалом, а не в обязанности ознакомить их со всей, максимально возможной массой святоотеческих трудов. В этом случае «необязательные», из-за ограниченности во времени курса патрологии, но необходимые, с позиции правильного понимания мыслей богословски значимых отцов, труды окажутся в поле самостоятельных исследований студентов.

Таким образом, вместе с решением вопроса необходимого объема часов важно сделать акцент на привитии студентам навыков самостоятельной исследовательской работы.

Что же касается «ключевого списка» отцов, здесь, на мой взгляд, есть смысл обратиться к традиции отечественных дореволюционных школ, в частности к трудам Н. И. Сагарды и протоиерея Георгия Флоровского. При этом следует учитывать различия в традиции восточной и западной богословской мысли.

В связи с этим встает вопрос о методах преподавания, что справедливо, впрочем, по отношению не только к данному предмету (начетнический метод с трудом изживается в современных духовных школах). Кроме того, вызывает недоумение ставшее уже привычным опускание критической работы патролога при прохождении исторического и богословского материалов, когда биографические даты, время и место написания, сведения о тексте и т. п. даются априорно, а ведь за ними зачастую стоят целые богословские школы и накопленные базы аргументов. Таким образом, ознакомление студента с критическим материалом должно включать в себя текстологический анализ произведений, разбор внутренних

и внешних свидетельств их подлинности, вопросы авторства, времени написания и пр., при этом учащимся необходимо не только ознакомиться с аргументами сторонников и противников той или иной теории, но и проанализировать их.

Помимо ознакомления с теорией патрологической критики необходимо ее практическое освоение. Для решения этой задачи есть смысл провести практическую работу, где студенты могли бы самостоятельно опробовать усвоенные в теории методы.

В качестве образца для самостоятельного исследования учащимся Нижегородской духовной семинарии (далее — НДС) предлагается произведение современного церковного автора, обычно в мемуарном стиле, где описываемая ситуация близка и понятна воспитанникам духовной школы: например, воспоминания о годах, проведенных в семинарии. После внимательного прочтения и анализа, на основании внутренних и предоставленных внешних свидетельств учащимся дается задание — определить место, время создания произведения, авторство и т. п. (в образце, при этом, предварительно удаляются прямые свидетельства, отвечающие на данные вопросы). Такой подход позволяет студенту ощутить себя на месте патролога, делает восприятие материала более динамичным и эффективным. Акцент ставится не на нахождении правильных ответов — оценивается, прежде всего, проделанный анализ. В дальнейшем, при изучении ранних святоотеческих произведений эти методы показываются на лекционном материале.

Подобный подход представляется важным, если целью курса видеть необходимость не просто дать учащимся набор патрологических сведений, но научить их самостоятельно владеть этим богатым аналитическим материалом, то есть привить им навыки работы патролога. В то же время есть опасность перегрузить и без того насыщенный курс. Поэтому для ознакомления с методами патрологической критики и знакомства с результатами критической работы, которая была проделана различными исследователями, в опыте НДС используются произведения святых отцов периода мужей апостольских. (Их свидетельства об устройстве, быте и учении первохристианской общины чрезвычайно важны и всегда служили предметом пристального изучения, что, как следствие, породило массу теорий, аргументов и контраргументов. Кроме того, труды их отличаются относительной простотой стиля

и содержания, что позволяет излишне не перегружать учебный процесс).

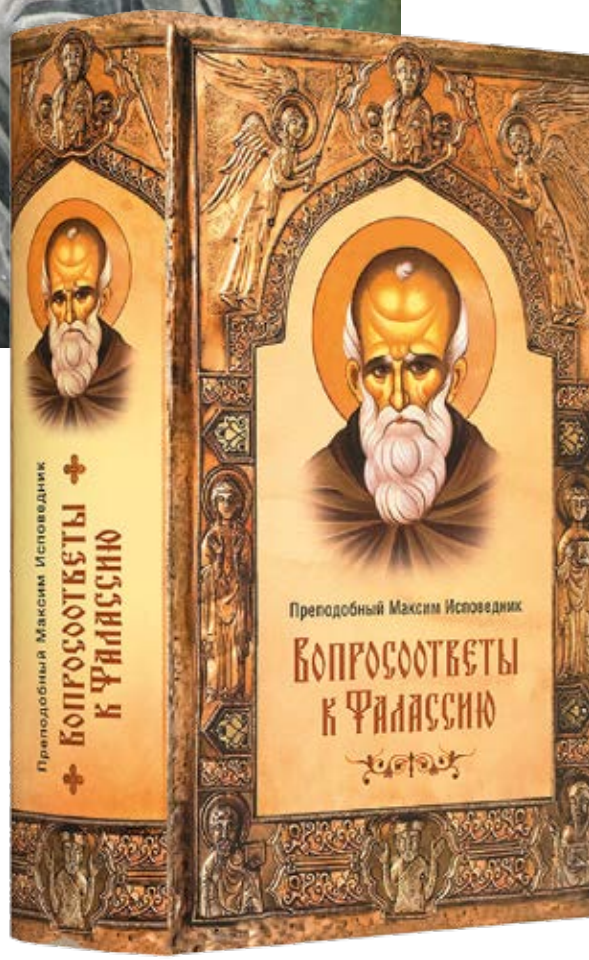
В заключение, с целью контроля усвоения материала на основании пройденных произведений периода мужей апостольских, проводится обзорная работа по методам патрологической критики. Работа может иметь следующую структуру: 1) автор произведения; 2) время написания; 3) место написания; 4) биографические сведения об авторе; 5) богословский анализ проблемного места в произведении. Чтобы работа носила обзорный характер, на каждый пункт зачета предлагается отдельное произведение.

Таким образом, в первом полугодии завершается ознакомление студентов с методами патрологической критики, на основании практической работы и теоретического материала.

Во втором полугодии изучается период возникновения научно-богословской письменности. Здесь богословское содержание произведений становится более насыщенным. Чтобы не перегружать учебный процесс, методы патрологической критики, которые к тому же достаточно были закреплены в предыдущем полугодии, уже опускаются, и акцент делается на содержательной стороне произведений.

Первыми традиционно рассматриваются апологеты, и здесь определенной сложностью является чрезвычайное

Прп. Максим Исповедник



обилие авторов при примерной однородности материала.

Решение данной проблемы в отечественных курсах обычно осуществляется в двух направлениях. В первом случае делается попытка подробного анализа апологетической письменности, включая сюда и малых апологетов. Но тогда «блок апологетов» занимает в этих трудах треть объема от общего исследования доникейской письменности[1].

Во втором случае дается краткий анализ возникновения апологетической письменности, а упор делается на изучении наследия св. Иустина Философа как наиболее яркого представителя апологетов[2].

Положительные стороны первого подхода очевидны. С одной стороны, подробно исследуется целый пласт святоотеческой письменности, важный для понимания как периода, так и самого явления, к тому же достаточно основательно изученный в отечественных трудах. Однако, с другой стороны, объем материала здесь неоправданно превышен по отношению к остальным изучаемым произведениям этого периода, богословская значимость которых превосходит произведения малых апологетов.

В опыте Нижегородской семинарии решением подобной коллизии служит самостоятельная работа студентов по малым апологетам, которая проводится в форме семинара. Предшествует семинару обзорная лекция по особенностям и причинам возникновения апологетической письменности. В процессе подготовки семинара учащиеся делятся на группы, и каждой для самостоятельного исследования назначается тот или иной апологет. В объем работы групп входит как изучение теоретического материала (биография, содержание и т. п.), так и исследование источников, то есть самих произведений апологетов. В ходе

Свт. Григорий Нисский

семинара преподаватель выступает от лица основных обвинителей христианства, и группы должны, используя знания теории и источников, аргументированно парировать. Оценивается не только ответ, но и активность в группе. Подобная форма работы позволяет на уроке в живой обстановке почувствовать эпоху, самому «побыть апологетом», дает опыт самостоятельного исследования и работы в группах.

Труды св. Иустина Философа, как ярчайшего представителя апологетов, изучаются в ординарном порядке по причине чрезвычайной их значимости для богословия.

Для общего закрепления материала в конце второго полугодия дается сквозная тема на основании источников и теоретического материала. Традиционно затрагиваются экклесиологические проблемы, так как вопрос церковного самосознания представляется одним из интереснейших в этот период, когда Церковь самоотождествила себя как инаковая по отношению к нарождающимся ересям, а также по отношению к обществу и государству, враждебно настроенным.

Важным условием при выполнении этой работы, равно как и при прохождении всего курса, является знакомство учащихся с источниками, то есть творениями отцов. В этих целях в Нижегородской семинарии используется хрестоматия, разработанная применительно к курсу.

Выбор темы может быть любым, но необходимо давать по хрестоматийному материалу темы, отражающие основную мысль приводимых текстов, так как опыт преподавания хрестоматийного материала выявил систематическую неспособность студентов читать святоотеческие тексты аналитически.

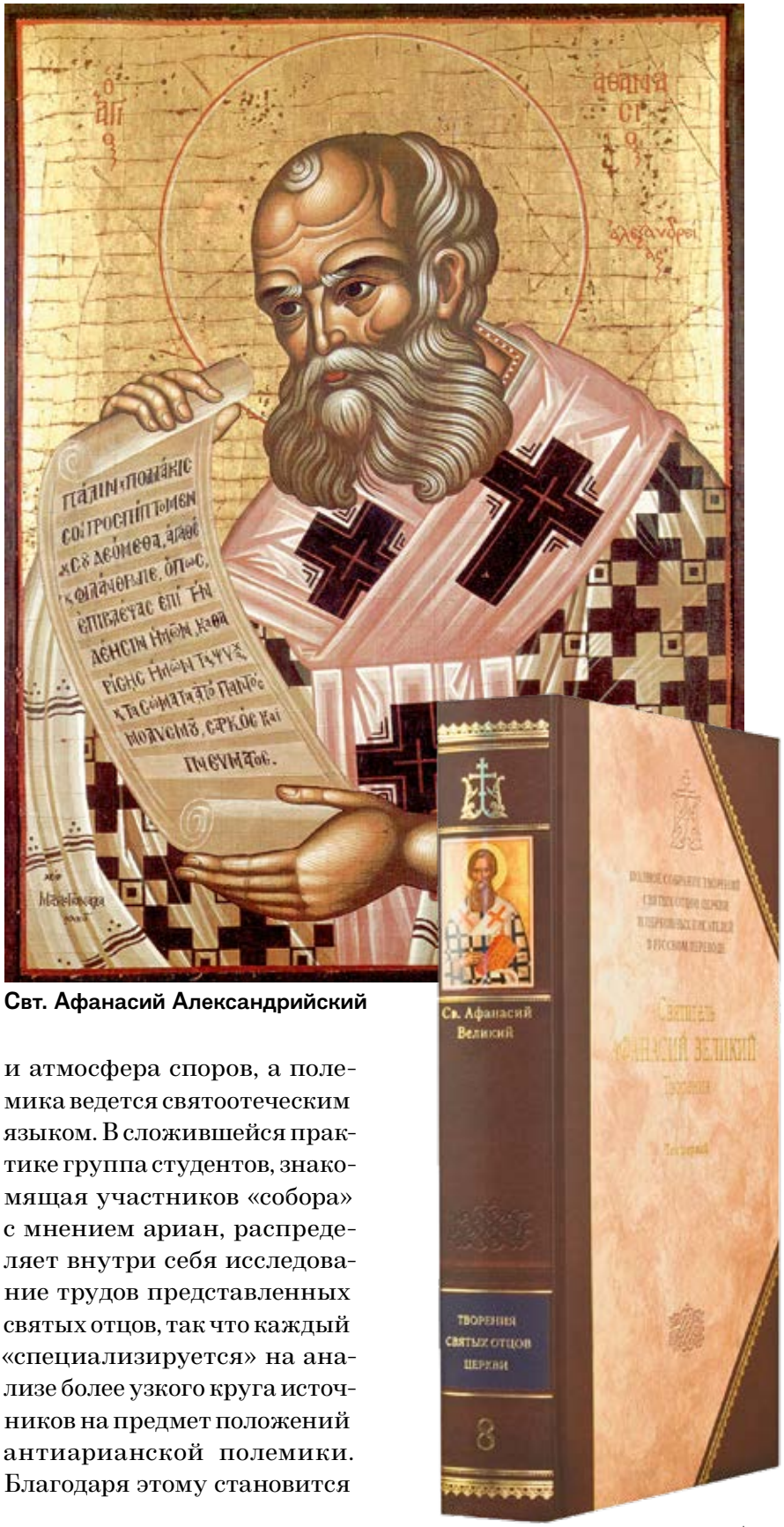
В этих же целях в рамках нижегородской духовной школы существовал курс по святоотеческому чтению, который, имея прикладной характер, призван был не только ознакомить учащихся со святоотеческим наследием, но и прежде всего привить им навыки вдумчивого чтения трудов святых отцов.

Этим самостоятельным исследованием завершается круг практических занятий

по доникейской письменности. Основными целями здесь являются: изучение в теории и на практике методов патрологического анализа; усвоение теоретического материала; усвоение навыков чтения святоотеческой литературы.

На втором году изучения патрологии в НДС проводится по одному зачетному семинару в каждом полугодии.

В первом полугодии он посвящен основной святоотеческой теме изучаемого периода (защите Божества Сына в полемике против ариан) и проводится после изучения наследия свт. Григория Нисского. Семинар организуется в форме «вселенского собора», на котором председательствующим является преподаватель, а позицию свт. Афанасия Александрийского и Великих Каппадокийцев представляют отдельные группы студентов. Положения ариан отражает другая группа учащихся, которые полемизируют с участниками «собора». Исходя из этических соображений, предварительно дается установка, что ариане на «собор» не явились, и их положения должна огласить присутствующим компетентная группа православных христиан. Для остроты полемики ее предпочтительно составлять из сильных учеников (психологически защищать свою веру проще, чем нападать на нее). Вопросы и ответы берутся из хрестоматийных текстов, таким образом восстанавливается эпоха



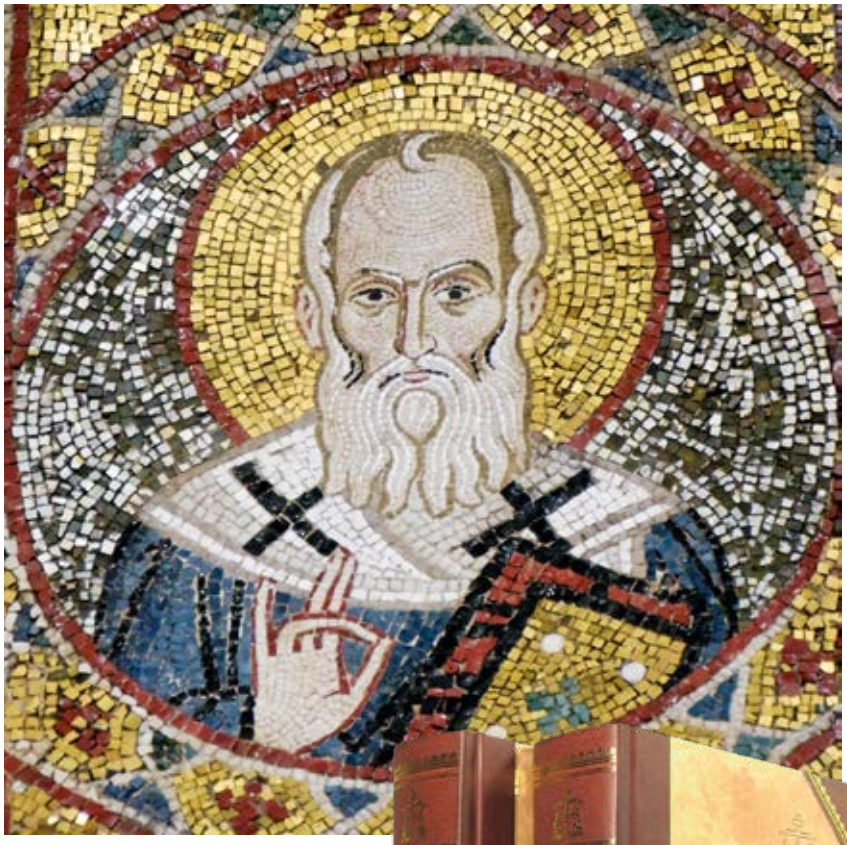
Свт. Афанасий Александрийский

и атмосфера споров, а полемика ведется святоотеческим языком. В сложившейся практике группа студентов, знакомящая участников «собора» с мнением ариан, распределяет внутри себя исследование трудов представленных святых отцов, так что каждый «специализируется» на анализе более узкого круга источников на предмет положений антиарианской полемики. Благодаря этому становится

возможным задавать вопросы каждой группе отдельно, что позволяет упорядочить работу. Чтобы полемика не сводилась к простой цитации, требуется адаптация арианских тезисов для семинара.

Во втором полугодии проводится семинар по христологии на основании наследия Леонтия Византийского, прп. Максима Исповедника, прп. Иоанна Дамаскина, поскольку данная тема является основополагающей для изучаемого периода. В отличие от предыдущего семинара, где упор делался на воссоздании атмосферы богословских споров, здесь предпринимается попытка применить святоотеческое наследие для решения современных христологических вопросов (например: симметричной или ассиметричной христологии). При этом развивается столь важный навык, как умение применить святоотеческий опыт в решении современных богословских проблем. Как и в первом случае, учащиеся разбиваются на группы, представляющие позицию того или иного отца, наиболее сильные студенты изучают особенности современных христологических вопросов. Однако, в отличие от семинара по триадологии, здесь царит дух конструктивного обсуждения, а не полемики, делается попытка найти приемлемое решение.

Помимо практических занятий и работ по текстам хрестоматии, проводятся



Свт. Григорий Богослов

промежуточные зачеты по теории, которые направлены на контроль знания лекционного материала.

Одним из важных условий полноценного усвоения патрологии является необходимость приобщить учащихся к источникам — творениям святых отцов. Этот процесс осложняется двумя обстоятельствами. Во-первых, даже при минимальном количестве затронутых в курсе авторов, число их творений будет значительным. Во-вторых, далеко не все библиотеки могут предоставить студентам творения изучаемых отцов в необходимом объеме. Выходом из ситуации может быть создание хрестоматии по патрологии, то есть подбор

и издание избранных святоотеческих произведений.

Необходимость такого решения осознавалась еще в XIX веке. Одним из первых на этом поприще выступил ректор Московской духовной семинарии протоиерей Николай Благоразумов. Труд был создан, в первую очередь, как облегченное пособие для воспитанников духовных школ, которые «очень и очень мало знакомятся ныне (особенно практически — через чтение в классе и дома) с писаниями отцов и учителей Церкви»[3]. Кроме того, хрестоматия рекомендовалась автором и для общего религиозно-нравственного чтения, так как приобретение полного свода святоотеческих творений для многих затруднительно или вовсе невозможно.

Хронологически хрестоматия, составленная протоиереем Николаем, раскрывает время Вселенских Соборов и доходит до св. Иоанна Дамаскина включительно, поскольку, как полагает автор, трудами отцов периода Вселенских Соборов учение и обычаи Церкви «подтверждены все, писанием или без писания, установленные для нас церковные предания, так что пастырям Церкви дальнейших веков оставалось хранить не нововводно учение и правила»[4].

Тематически весь материал хрестоматии разделен на два больших периода, каждый из которых, в свою очередь, разделен на два

Св. Иустин Философ

отдела. Первый период, с 70 по 313 год, раскрывает в первой части (до 140 года) учение мужей апостольских, а во второй части — возникновение научной богословской письменности. Второй период также делится на два отдела: с IV по V век и с VI до середины IX века, где рассматриваются, соответственно, период золотого века святоотеческой письменности и период христологических споров. Кроме того, составителем «за чрезвычайным обилием материала обзор святоотеческих трудов ограничен святыми отцами лишь важнейшими по своим писаниям и пастырской деятельности»[5].

С точки зрения метода, протоиерей Николай Благоразумов отходит от привычного изложения материала хрестоматии и святоотеческие тексты в прямой цитации перемежает со своим собственным изложением содержания произведения. Изложению важнейших положений из трудов отцов Церкви предшествуют краткие биографические, исторические и библиографические сведения, в некоторых случаях — доказательства подлинности произведений.

Несомненными преимуществами хрестоматии о. Николая являются доступность в усвоении материала и ее приемлемый объем при широком привлечении святоотеческого наследия. Однако в подобном подходе, когда святоотеческое наследие дается частью в собственном пересказе автора, а частью в цитатах, мысли святых отцов несколько заслоняются собственной позицией автора-составителя.

Следующая попытка составления святоотеческой хрестоматии была предпринята иеромонахом, ныне епископом Иларионом (Алфеевым). Как и труд протоиерея

Николая Благоразумова, святоотеческая антология иеромонаха Илариона адресована прежде всего студентам, изучающим патрологию в духовных академиях и семинариях, в качестве необходимого дополнения к пособиям — сборника первоисточников, «без знакомства с которыми изучение патрологии лишено смысла»[6].

Цель, которую ставит перед собой автор, — «пробудить у студентов интерес к наследию святых отцов и желание внести свой вклад в дело изучения и перевода памятников святоотеческой письменности»[7].

Прп. Иоанн Дамаскин

Немаловажно замечание автора антологии относительно переводов и использованных текстов: «несовершенство некоторых из них становится очевидно при сличении с оригиналом», остро назрела «необходимость в новых переводах, на основе современных изданий текстов святых отцов, с подробными комментариями и научным аппаратом»[8]. Однако тут же автор совершенно справедливо уточняет, что такая работа требует десятилетий.

Антология открывается произведением Климента Александрийского, то есть временем возникновения научной богословской письменности, минуя, таким образом, период мужей апостольских, апологетов и антигностическую письменность. В данный момент серия завершается текстами «Корпуса Ареопагитикум», последний том издан в 2000 году. Причины прекращения издания неизвестны; возможно, это недостаток финансирования, либо превышенный лимит объема антологии, насчитывающий уже более 2000 страниц.

Структурно пособие иеромонаха Илариона не отходит от норм составления хрестоматии и представляет собой сборник святоотеческих произведений в полном или сокращенном варианте, если этого требует их значительный объем[9]. Тексты сочинений каждого автора предваряются биографической статьей, обзором творений и библиографией на русском, английском, французском и немецком языках.

Преимуществом антологии иеромонаха Илариона перед хрестоматией протоиерея Николая можно считать обилие святоотеческого материала, не заслоненного собственным изложением автора. Недостатком же — незавершенность серии, уже имеющийся большой объем, что делает неудобным применение в учебном процессе.

Интересно также ознакомиться с попытками составления подобного рода хрестоматии авторами светских вузов, хотя очевидно, что при этом они ставят перед собой несколько иные цели и задачи. Одним из первых в этой области выступил Г.Я. Миненков, составивший хрестоматию «История средневековой философии. В 2-х частях. Ч. 1. Патристика». Очевидно, опыт философско-патристической хрестоматии не применим в богословских школах, вследствие различия в целях и задачах курсов патрологии и истории философии. Однако опыт составления таких сборников в светских школах и руководящие принципы подбора текстов весьма интересны.

Материал хрестоматии был подобран автором в соответствии с программой

историко-философской подготовки студентов, традиционно относящейся к разделу средневековой философии. Сюда включались прежде всего тексты, причем не в строго хронологическом порядке, а те, «в которых наиболее четко фиксируется смена культурных эпох»[10].

Интерес представляет методология составления хрестоматии, поскольку зачастую этот важный момент опускается. В качестве принципов отбора текстов автор-составитель указывает на следующие положения.

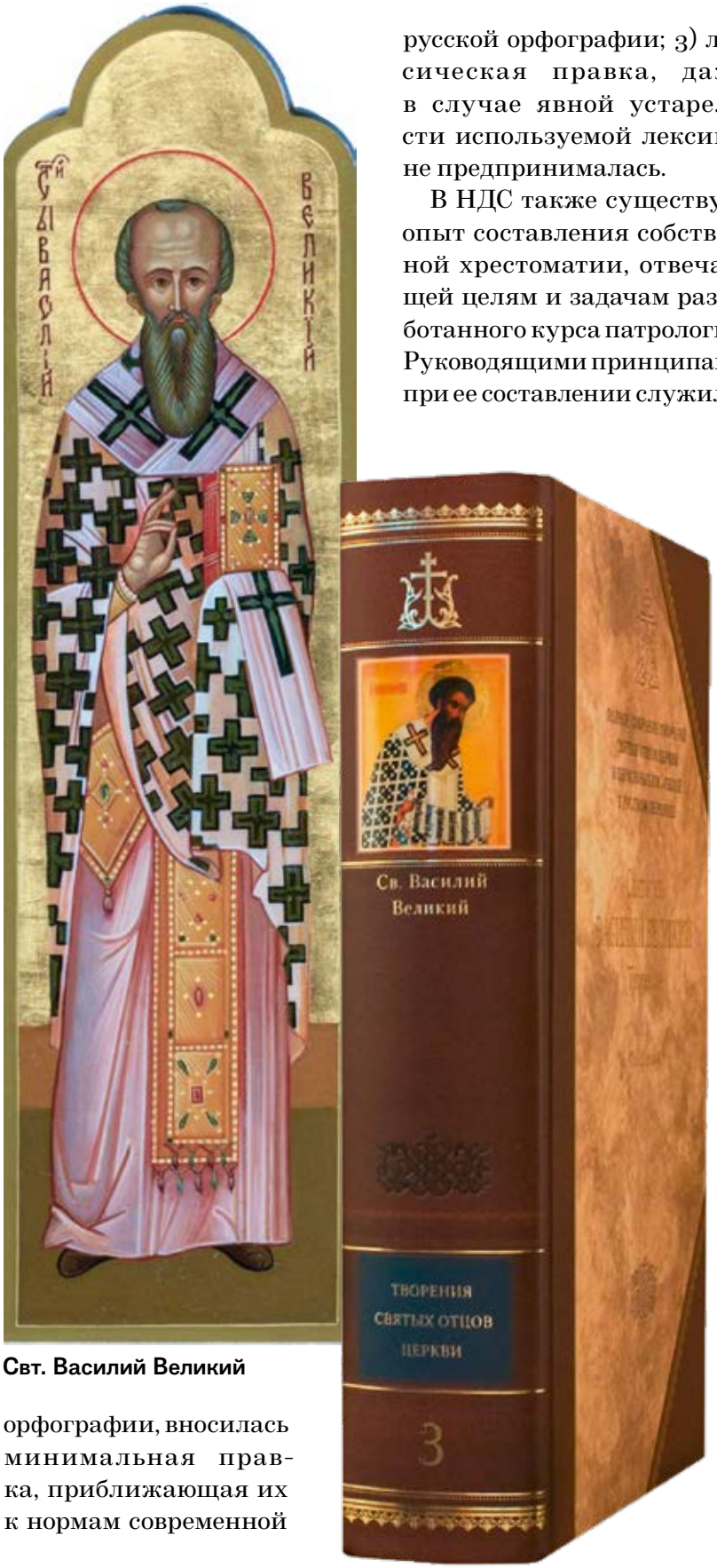
1. Обращение к текстам, наиболее явно обнаруживающим новое философское содержание, отличие от античного философствования.

2. В хрестоматию включены тексты авторов, которые по догматическим или хронологическим положениям не могут быть включены в круг отцов Церкви[11].

3. Тексты отбирались по принципу значимости для понимания последующего развития философии, то есть определяющим являлась значимость материала с учебной точки зрения, для выхода на новые пути философствования в последствии рефлексирования текстов.

Автор сборника оговаривает принципы отбора и редактирования самих текстов хрестоматии: 1) при наличии нескольких переводов отбирался позднейший; 2) в тексты, изданные с использованием дореволюционной орфографии, вносилась минимальная правка, приближающая их к нормам современной русской орфографии; 3) лексическая правка, даже в случае явной устарелости используемой лексики, не предпринималась.

В НДС также существует опыт составления собственной хрестоматии, отвечающей целям и задачам разработанного курса патрологии. Руководящими принципами при ее составлении служили:



Свт. Василий Великий

1) приемлемый объем, который бы не перегружал учебный процесс; 2) цельность произведения: отбирались такие, которые обладали в глазах автора логической завершенностью; 3) отражение одного из основных направлений богословского творчества автора. Определяющим при отборе было и соответствие творений интересам курса. Так, например, при изучении наследия святых Афанасия Александрийского, Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского приоритет принадлежал произведениям, посвященным защите Божества Сына Божия, так как это основной богословский вопрос эпохи. Кроме того, полемика Каппадокийцев с Евномием, представителем крайнего арианства, позволяет в итоговом семинаре проследить единую богословскую мысль отцов, аргументы и контраргументы сторон, воссоздать живую богословскую картину эпохи. Отбор текстов определялся собственной авторской позицией и существующими возможностями.

Наконец, один из самых наболевших вопросов, стоящих сегодня перед патрологией, — острая необходимость в современных полных курсах, которые бы отражали материалы новейших открытий и научных исследований. Как справедливо отметил А. А. Столяров, революция 1917 года нанесла «русской патрологии такой удар, от которого она не оправилась до сих пор»[12].

Однако если не принимать пока во внимание строгий критерий современности и сместить акцент на глубину подачи и проработки материала, то вопрос с пособиями по патрологии, доступными современному читателю, выглядит не столь удручающе. Прежде всего это касается трудов отечественных патрологов периода, который профессор А. И. Сидоров называет «серебряным веком русской патрологической науки»[13], это конец XIX — начало XX века. В данный период была написана основная масса курсов по патрологии. Значительная их часть посвящена обзору доникейской письменности, и совсем немногие исследуют письменность эпохи Вселенских Соборов[14].

Кроме того, следует отметить такие труды современных нам авторов, как «Курс

патрологии» А. И. Сидорова, вышедший в 1996 году (завершается греческой апологетикой II века), и «Патрология и патристика» (издано в 2001 году А. А. Столяровым), где излагается материал вводных лекций к курсу патрологии. В обеих этих работах заметно влияние лекций Н. И. Сагарды. Следует отметить, что А. А. Столяров строит изложение в историко-философском ракурсе, с целью представить патристику как органическую часть истории европейской мысли, стремясь придерживаться объективной, надконфессиональной позиции[15].

В оценке работы А. И. Сидорова мнения исследователей противоречивы, от восторженных слов А. А. Столярова до сдержанных и критичных отзывов А. Г. Дунаева. Впрочем, можно согласиться с мнением, что труд профессора Сидорова является хорошим образцом для дальнейшего развития отечественной патрологии. Суждение этих же исследователей о том, что «для завершения курса патрологии в объеме поставленных А. И. Сидоровым хронологических рамок понадобится свыше 10 выпусков, при сохранении однородной подробности и основательности изложения первой книги»[16], представляется более чем справедливым, тем более что и сам автор сомневается в возможности завершить начатый им труд[17].

Климент Александрийский

Таким образом, оценивая ситуацию с развитием патрологии в России, следует признать, что в настоящее время отечественное богословие не располагает полным современным курсом по патрологии. Создание полного курса в настоящее время — дело не одного ученого, но коллектива авторов, так как накопилось колоссальное количество материалов и исследований по каждому церковному писателю. Отсутствие такого коллектива патрологов в Русской Православной Церкви сегодня заставляет некоторых отечественных исследователей делать вывод, что появление пособий, отражающих современное состояние мировой патрологии, — «дело, вероятно, не очень близкого будущего»[18].

Очевидно, что отечественная патрология активно пытается найти выход из этой сложной проблемы. Об этом свидетельствуют факты переиздания в короткое постперестроечное время большинства отечественных дореволюционных и русскоязычных зарубежных пособий по патрологии. Кроме того, готовятся к изданию на русском языке труды такого зарубежного классика-патролога, как Иоханнес Квастен[19], и др. В частности, уже вышел в свет первый том серии «Христианская традиция: История развития вероучения» известного американского патролога Ярослава Пеликана «Возникновение кафолической традиции (100–600)».

Пока отечественная патрология еще проходит этапы своего формирования, появление современного, полноценного курса по предмету — дело будущего. Сейчас же можно согласиться с мнением А. Г. Дунаева, что «два курса можно признать выдержавшими испытание временем: это „Лекции“ Н. И. Сагарды для I–IV веков и две книги протоиерея Г. В. Флоровского для отцов IV–VIII веков»[20]. Успешное использование «Лекций по патрологии I–IV века» Н. И. Сагарды, при прохождении доникейской письменности (первый год изучения), и применение труда протоиерея Георгия Флоровского «Восточные отцы IV–VIII веков», для исследования творчества отцов

посленикейского периода (второй год изучения патрологии), только подтверждают это.

В настоящий момент, можно утверждать, что патрология как наука продолжает свое развитие в России. Стали появляться новые, современные пособия по патрологии. Прежде всего это пятитомник А. И. Сидорова „Святоотеческое наследие и церковные древности", который выходил с 2011 по 2017 года. Можно упомянуть труд свящ. Михаила Легеева „Патрология. Период Древней Церкви», вышедший в 2015 году, значимым элементом которого является составленная автором хрестоматия. Публикуются новые хрестоматии по патрологии, продолжаются переводы трудов ведущих западных патрологов (так, в 2009 году был издан второй том «Христианской традиции» Ярослава Пеликана), печатается множество статей по патрологии. Был издан современный учебник по патрологии для бакалавриата[21].

Наметившийся процесс дает осторожную надежду, что отечественная патрология начинает выходить из того кризиса, в котором она вынужденно оказалась за годы советской власти.

Примечания и ссылки:

1. См., например, труды Н. И. Сагарды, архим. Киприана (Керна). А. И. Сидоров, который завершает курс творениями апологетов, уделяет им более половины общего объема.

2. Пример этому — труд прот. Иоанна Мейендорфа. См.: Мейендорф И., прот. Введение в святоотеческое богословие. Клин, 2001.

3. Святоотеческая хрестоматия / Сост. прот. Николай Благоразумов. М., 2001. С. 6.

4. Там же. С. 7.

5. Там же. С. 8.

6. Отцы и учители Церкви III века / Сост. иером. Иларион (Алфеев). В 2-х т. — Т. 1. М., 1996. С. 12.

7. Там же. С. 11.

8. Там же.

9. Там же.

10. История средневековой философии. Хрестоматия. В 2-х ч. — Ч. 1. Патристика / Сост. Г. Я. Миненков. Мн.: ЕГУ, 2002. С. 5.

11. Такое утверждение представляется спорным. Можно привести слова архиеп. Филарета (Гумилевского): «Как Церковь Христова будет существовать до скончания мира, так до скончания мира будут являться в ней для нужд Церкви избранные орудия Духа Божия... во всех веках могут быть мужи с качествами, необходимыми для отцов Церкви». См.: Историческое учение об отцах Церкви. СПб., 1859. — Т. I. С. X–XI.

12. Столяров А. А. Патрология и патристика. М., 2001. С. 58.

13. Сидоров А. И., Тимофеев А. А. Профессор Московской духовной академии Иван Васильевич Попов как христианский и православный ученый // Попов И. В. Труды по патрологии. В 2-х т. Сергиев Посад, 2005. — Т. 1. С. 12.

14. Труд архиеп. Филарета «Историческое учение об отцах Церкви» хотя и остается одним из самых полных, по объему рассмотренных творений отцов Церкви, но является и безнадежно устаревшим по своему содержанию.

15. См. его замечание о конфессиональных издержках авторской позиции А. И. Сидорова. Столяров А. А. Указ. соч. С. 61.

Протоиерей Георгий Флоровский

16. См.: Там же. См. также: Дунаев А. Г. Указ. соч. С. XL.

17. Сидоров А. И. Указ. соч. С. 5–6.

18. Столяров А. А. Указ. соч. С. 61. См. также: Сагарда Н. И. Лекции по патрологии. I–IV века / Под ред. А. Г. Дунаева. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004. С. XLIV.

19. Интересно отметить, что в библиотечных фондах СПбДА уже долгое время хранится машинописный перевод первого тома «Патрологии» Квастена, переданный в дар библиотеке.

20. Сагарда Н. И. Указ. соч. С. XL.

21. Сидоров А. И., Доброцветов П. К., Фокин А. Р. Патрология. Церковная письменность доникейского периода. Т. 1. Учебник бакалавра теологии. М.: Познание, 2019.

2 февраля

18-летие архиерейского служения Владыки-ректора

2 февраля — 18-летие архиерейского служения Владыки-ректора.

В этот день глава митрополии возглавил Божественную литургию в Александро-Невском кафедральном соборе Нижнего Новгорода.

2 февраля 2003 г. в храме Христа Спасителя Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II возглавил хиротонию архимандрита Георгия во епископа Нижегородского и Арзамасского.

Профессорско-преподавательская корпорация и студенты Нижегородской духовной семинарии поздравляют ректора митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия с годовщиной архиерейской хиротонии.

17 февраля

Память основателя города — святого благоверного князя Георгия Всеволодовича

17 февраля в Нижнем Новгороде почтили память основателя города — святого благоверного князя Георгия Всеволодовича.

В этот день митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий, ректор Нижегородской духовной семинарии, возглавил Божественную литургию в нижегородском кафедральном соборе.

Перед началом богослужения состоялась торжественная встреча иконы святителя Симона, епископа Владимирского и Суздальского. Владыка Симон был наставником князя Георгия Всеволодовича и благословил его заложить город на слиянии Оки и Волги.

На богослужении молились студенты Нижегородской духовной семинарии, ученики нижегородских православных гимназий.

12 февраля

Всероссийский конкурс научно-исследовательских работ «Язык. Культура. Духовность»

12 февраля 2021 г. в Нижегородской духовной семинарии подвели итоги Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ «Язык. Культура. Духовность».

Конкурс проводился с целью выявления и поддержки наиболее талантливых и творчески активных молодых исследователей по следующим направлениям: филология и межкультурная коммуникация, культурология, теология.

На конкурс было представлено свыше 40 работ преподавателей и учёных из Москвы, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Владимира, Саранска, Петропавловска-Камчатского и других городов.

Истинное знание не надмевает

Кому не приходилось читать знаменитых пушкинских строк:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...

Парадоксальность мысли поэта оставляет в смутном недоумении: обман, пусть и «возвышающий», остаётся всё-таки обманом, ложью, а истина, даже если её назвали «низкой», — правдой. Получается, что пребывать в некотором самообольщении хорошо, но к истине такое состояние никакого отношения не имеет.

Достоевский этот парадокс заострил и конкретизировал. В письме к Н. В. Фонвизиной (1854) он утверждает: «...если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы остаться со Христом, нежели с истиной»...

Ровно двумя столетиями ранее, в 1654 году, Блез Паскаль пережил «огненное Откровение», в котором ему явилась бездна, разделяющая научное и религиозное познание: «ОГОНЬ. Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, но не Бог философов и ученых», — записывает он

Пифагор Самосский

в своем «Мемориале». Математики и программисты хорошо знают «язык Паскаля», но обычно вовсе не задумываются над той главной темой, которая волновала его создателя...

Подобные свидетельства и цитаты можно умножать и умножать... Все они, как грани многомерного кристалла, высвечивают проблему *двойственности* понимания «истины». В эпоху Средних веков предлагали признать ее неустранимой: одно дело — истины «философские» (т. е. «научные» — в ту пору и математика, и астрономия входили в состав философии), другое — истины веры.

Что касается внешнего познания мира, то «истин» относительно него бесконечно много: тут и теорема Пифагора, и таблица Менделеева, и законы наследственности... Записать их одной математической формулой, как об этом когда-то мечтал П. Лаплас, не получится... А от «гипотезы Бога» он демонстративно отказывался: так хотелось прийти к единству знания — без Единого!

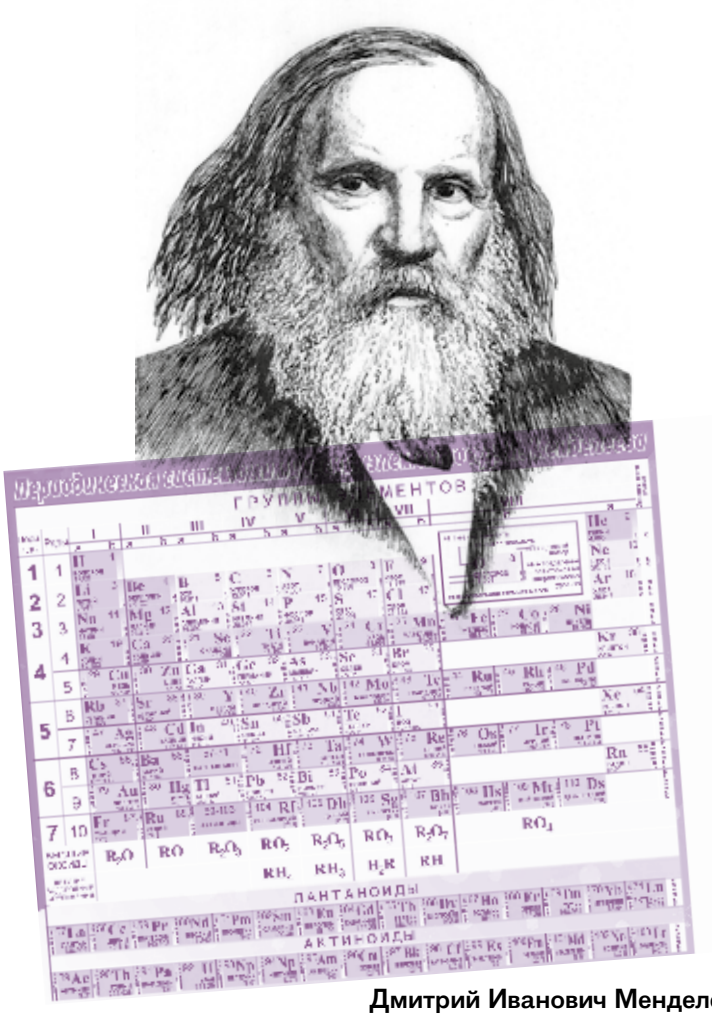
Ни одна из всё растущего множества «истин» естествознания ровным счетом ничего не говорит человеку о его достоинстве и о том, как ему жить и действовать в соответствии с этим достоинством. Самое большее, на что способна «наука», это сказать, что человек как существо природного мира подчинен всем ею уже открытым и имеющим быть открытыми законам, а потому никакого особого достоинства в сравнении с другими вещами и существами у него нет и быть не может...

Но сердце человека подсказывает, что он — *не только* существо природного мира, и он хочет знать эту истину о себе самом. «Человек есть тайна, — писал Достоевский. — Её надо разгадать, и ежели будешь её разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком».

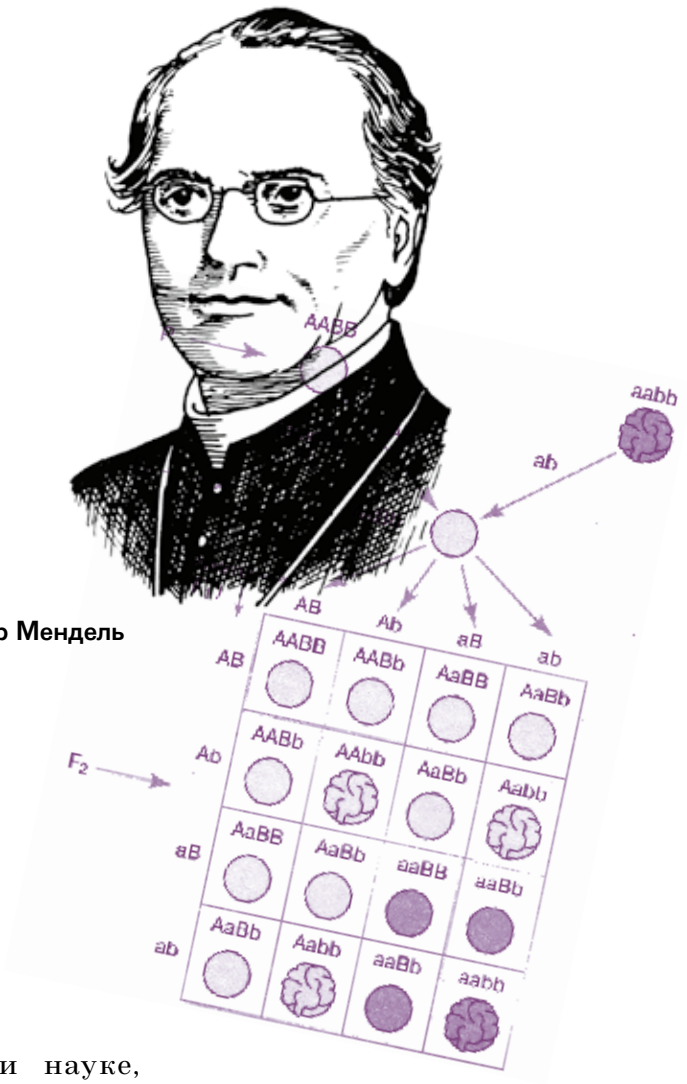
Тайна *образа Божия* в человеке есть предмет *веры*, убеждения, *уверенности*, и в ней заключена великая Истина о нём, в сопоставлении с которой все прочие «истины» оказываются «низкими», плоскими и лишёнными единства.

Блез Паскаль

То, что *возвышает* человека над миром, возвращает к его высокому достоинству, с точки зрения «посюсторонних» истин может в самом деле быть простым обманом, иллюзией, *вымыслом,* над которым далеко не каждому дано, подобно Пушкину, *облиться слезами*... В литургической традиции Церкви есть песнопения, основанные на заведомых апокрифах, т. е. повествованиях, самой церковной ученостью не принятых в качестве *достоверных.* Но их *возвышающая* сила столь велика, *духовная* правдивость столь несомненна, что верующим сердцем они воспринимаются как несомненно



Дмитрий Иванович Менделеев



Грегор Мендель

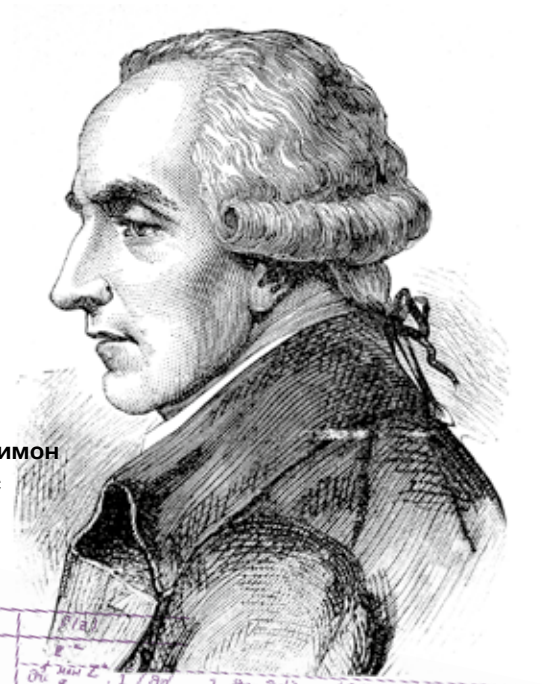
истинные. Если *так* и не было «в истории», то так *должно быть* и *есть* в вечности.

Истина о человеке как образе и подобии Божием и истины науки разнополярны. Ломоносов с полным основанием говорил, что одинаково нелепо «божескую *волю* вымерять *циркулем» и изучать астрономию или химию по Псалтири. Но ведь и разделить непроходимой стеной веру и науку тоже нельзя...*

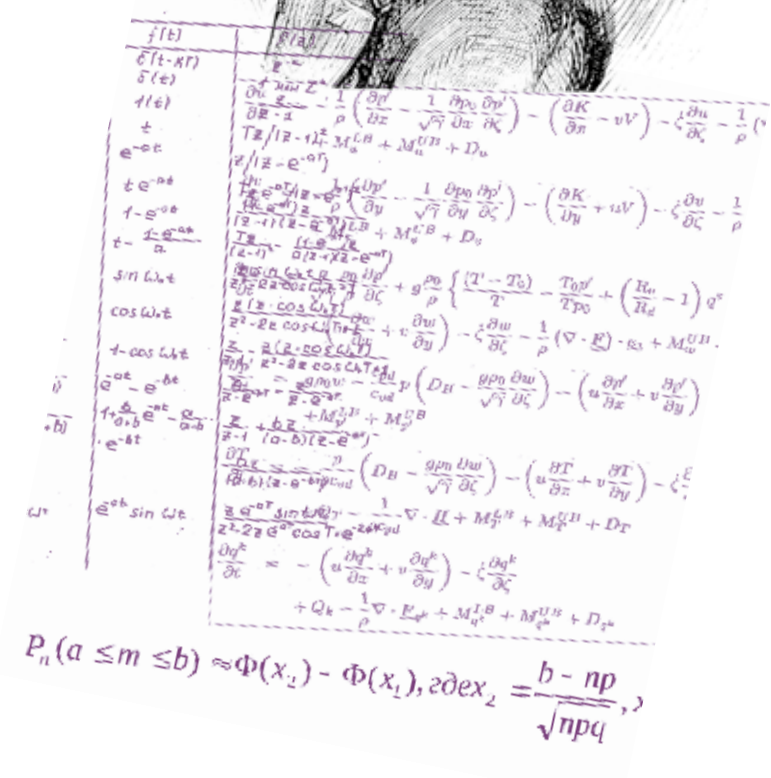
В конце XIX — начале XX веков несколько русских богословов наметили решение этой проблемы. «...Вера, по Православию, по крайней мере в её идеале, — писал А. Струнников, — это вполне свободное, разумно-сознательное убеждение в истине Христовой. Если же так, то очевидно, что с таким признанием вместе утверждается законный и естественный путь к такому убеждению, признается вполне разумная свобода исследования, широко растворяются двери науке, и не только богословской, а и вообще всякой, так как вся природа признается вещающею величие Божие, и естественные познавательные силы считаются способными доходить до истины вообще и до богопознания в частности»[1].

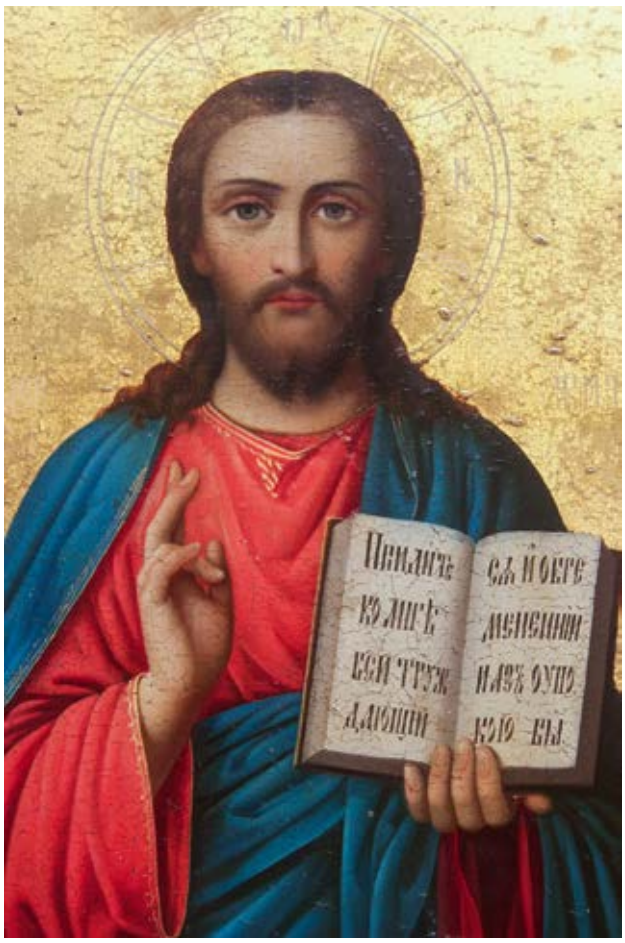
Но это отнюдь не означает, что возможно совершенно автономное построение «научного мировоззрения», способного охватить истины всех наук и планов бытия, что есть смысл всё-таки искать формулу Лапласа. «В действительности нет и не может быть ни чисто научного, ни научно-философского мировоззрения, — писал В. И. Несмелов, — а есть и вечно будет только религиозное созерцание и религиозно-философское понимание мира. Ведь на самом деле если бы даже и наступило такое время,

когда в данных науки и научной философии наконец оказались бы налицо все те элементы, которые необходимы для построения цельной, законченной картины мирового бытия, то для человеческого сознания и мышления всё-таки и тогда необходимо осталась бы неизменной наличная антитеза временного и вечного, условного и безусловного, а вместе с этой антитезой, стало быть, и тогда необходимо сохранилась бы для человека и непостижимая тайна Вечного Начала вещей, и религиозное отношение к этому самосущему Началу вещей»[2].



Пьер Симон Лаплас





Вера, по началу даже *доверчивость* к любой «возвышающей» сказке, а затем уже как *уверенность* в превосходстве духовной жизни, любви и милосердия над всевозможными техническими уловками, хитростью и своекорыстием «мира сего», *уверенность,* зиждущаяся на светлом трагизме Евангелия, и есть ИСТИННОЕ ЗНАНИЕ. Это — основное — знание *не надмевает.* И оно незримо способствует возвышению и согласованию множества разрозненных и частных «истин» в целостном разумении Бога, мира и человека.

Н. К. Гаврюшин

Примечания и ссылки:

1. Струнников А. Вера как уверенность по учению Православия. Самара, 1887. С. 160.

2. Несмелов В. И. Вера и знание с точки зрения гносеологии. Казань, 1913. С. 10–11.

300 лет
со дня основания

Нижегородская
Духовная
Семинария

Богослужение в жизни семинариста

Учебный процесс в семинарии, как и в светском ВУЗе, достаточно напряжённый: необходимо изучать преподаваемые предметы, делать домашние задания, много читать, заниматься самообразованием. Однако жизнь духовной школы так или иначе проходит возле храма, и здесь, пожалуй, коренное отличие семинарии от светского ВУЗа.

Семинаристы участвуют в богослужениях на церковные праздники и в воскресные дни, а также по очереди в будни: поют в хоре, читают на клиросе, помогают в алтаре, следят за подсвечниками, организуют порядок в храме.

В семинарском храме ежедневно читается молитвенное правило, в течение учебного года каждый понедельник служится молебен небесному покровителю семинарии преподобному Иоанну Дамаскину.

Большую роль в духовном воспитании играет традиция общего причащения Святых Христовых Таин в особо значимые для семинарии дни: 1 сентября, 17 декабря (в день памяти покровителя семинарии прп. Иоанна Дамаскина), на первой седмице Великого поста, на Страстной седмице в Великий четверг и на выпускной день.

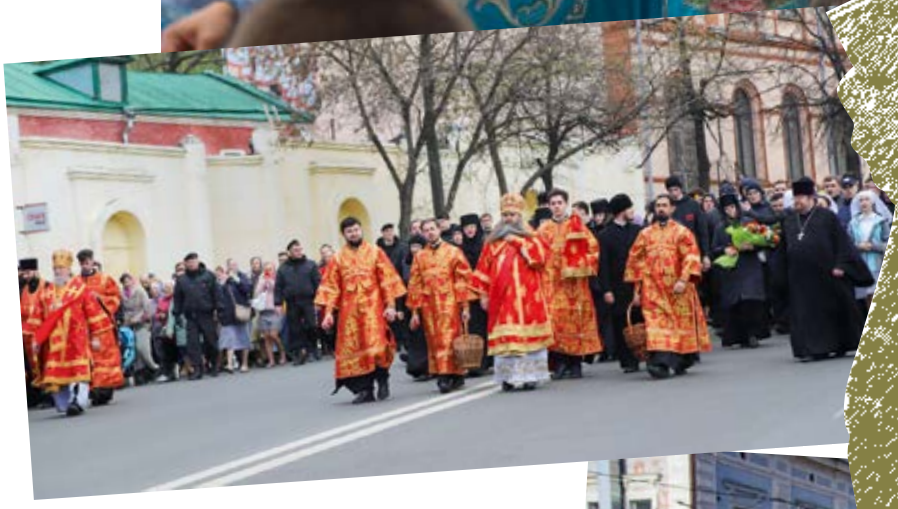
Все студенты семинарии призываются соблюдать эту традицию. Отметить нужно, что, помимо этих установленных дней, многие семинаристы причащаются практически на каждой воскресной или праздничной службе.

Достаточно часто семинаристы молятся за богослужениями, которые совершает владыка-ректор — митрополит Георгий — в кафедральном соборе и других храмах города.

В Нижнем Новгороде в течение года совершаются традиционные крестные ходы. Семинаристы неизменно принимают участие во всех молитвенных шествиях как хоругвеносцы, певцы, помощники организаторов.

Присутствуя на богослужениях в храме, участвуя в соборной молитве или крестном ходе, воспитанники Нижегородской духовной семинарии не только получают практические знания, необходимые им в будущей приходской жизни, но и приобщаются к неисчерпаемой сокровищнице православного богомыслия и доброделания.

При каждой духовной школе существует свой храм. Дореволюционная семинария в Нижнем Новгороде имела собственную церковь в честь преподобного Иоанна Дамаскина. В советское



время её разрушили. Современная семинария, по Промыслу Божию оказавшаяся в непосредственной близости от Благовещенского мужского монастыря, в 2007 году получила в пользование храм в честь святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси, чудотворца, находящийся на монастырской территории.

История семинарского храма святителя Алексия, митрополита Московского[1]

В период перевода Макарьевской ярмарки в Нижний Новгород и приездом в город с 1817 г. сотен тысяч купцов и путешественников, власти Благовещенского монастыря обратились в 1821 году к правительству с просьбой расширить территорию за счёт прирезки освобождённой от жилой застройки территории с востока от обители. Разрешение было дано, 26 июля 1822 г. архимандрит Макарий обратился к нижегородскому епископу Моисею за благословением на строительство новой церкви в честь Воскресения Христова с тремя приделами. Финансировать строительство согласилась пожелавшая остаться неизвестной «особа». Проект внушительного каменного здания с четырьмя колонными портиками по сторонам света создал И. И. Межецкий, доработал А. Л. Леер.

В конце 1823 г. была завершена кладка стен. К августу 1825 г. здание было готово вчерне, но на отделку средств не хватило. Лишь 16 марта 1826 г. нижегородский купец первой гильдии М. И. Костромин пожертвовал на достройку 20 тыс. рублей. К августу 1834 г. был установлен иконостас, расписаны интерьеры. 15 сентября был дан указ об освящении храма в честь митрополита Алексия.

В 1882–1883 гг. в Алексеевском храме на средства известных нижегородских купцов и благотворителей братьев Ивана и Митрофана Рукавишниковых были устроены два дополнительных придела. Впоследствии в них были погребены известные нижегородские подвижники и просветители, которые пребывали на покое в Благовещенской обители Нижнего Новгорода — архиепископ Макарий

1 История Алексеевского храма дана по книге Дегтёва О. В. «Алексеевская церковь нижегородского Благовещенского монастыря». Нижний Новгород: Издательский отдел Нижегородской епархии, 2009.

(Миролюбов) и епископ Иеремия (Соловьев). Могилы их были украшены бронзовыми позолоченными оградами изящного рисунка, над склепами были установлены белые мраморные плиты с высеченными на них эпитафиями.

Площадь перед храмом в 1823–1826 гг. оградили каменной стеной с двумя угловыми башнями и святыми воротами, проект которых составил архитектор В. Н. Воронов.

В послереволюционный период Алексеевский храм, как и сам Благовещенский монастырь, был закрыт и вместе с другими монастырскими церквями и постройками передан в ведение 17-й стрелковой дивизии.

С 1948 по 2005 гг. в здании Алексеевской церкви размещался Нижегородский планетарий. При этом были снесены малые главы, понижен центральный световой барабан.

Второе рождение Алексеевской церкви началось в начале XXI в., когда осенью 2004 г. было принято решение о восстановлении и возрождении Алексеевского храма Благовещенского монастыря в рамках программы «Ильинская Слобода». 27 декабря 2005 г. здание Алексеевского храма было официально передано Нижегородской епархии. В этот день, впервые за последние 88 лет, под сводами некогда великолепного храма прозвучала молитва — архиепископ (ныне — митрополит) Нижегородский и Арзамасский Георгий совершил благодарственный молебен.

В отличие от многих храмов, которые возвращались Нижегородской епархии в плачевном состоянии, храм святителя Алексия сохранился достаточно хорошо.

29 декабря 2006 г. был установлен и освящён крест для центрального купола Алексеевского храма. 17 февраля 2007 г. состоялось освящение вновь изготовленных четырёх малых куполов с крестами.

Внутри храма был демонтирован старый мраморный пол и установлен новый с обогревом.

Во время реставрационных работ были обследованы храмовые склепы. В результате проведённых археологических исследований были найдены останки епископа Иеремии (Соловьева) и архиепископа Макария (Миролюбова), которые были перезахоронены там же, в Алексеевской церкви.

К ноябрю 2007 г. реставрационные работы были полностью закончены: внутри Алексеевского храма восстановлены все фрески, написаны иконы, установлен фаянсовый иконостас, подведено освещение, позолочены купола, заменена кровля, установлены новые двери, расписаны фронтоны.

В восстановлении храма принимали участие самые различные специалисты: организация «Унистрой», «Отделспецстрой», «ДОК-78», «Сергеев и Компания», «Маримал».

Восстановлением храмовой настенной и купольной росписи занимались художники из Владимира под руководством художника-реставратора В. И. Некрасова. Иконы для иконостаса выполнены в иконописной мастерской при нижегородском Александро-Невском соборе под руководством Я. К. Васильченко. Позолоту крестов и куполов Алексеевской церкви выполнили сёстры Серафимо-Дивеевского монастыря. На фарфоровом заводе Сысерти Свердловской области был изготовлен фаянсовый иконостас — первый в Нижегородской епархии.

Куратором реставрации Благовещенского мужского монастыря был доктор геолого-минералогических наук, профессор В. В. Дмитриев. В возрождении Алексеевской церкви основную финансовую помощь оказала группа компаний АСВТ.

Милостью Божией Алексеевский храм живёт своей полноценной жизнью, выполняя своё прямое назначение — быть домом Божиим и местом молитвы.

Престол храма святителя Алексия, митрополита Московского и Всея Руси, чудотворца:

- Главный — в честь Святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси (25 февраля, 2 июня);
- Правый — в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница» (22 ноября).

Святыни храма святителя Алексия, митрополита Московского и Всея Руси, чудотворца:

- Ковчег с мощами преподобного Иоанна Дамаскина (частица мощей преподнесена в дар Иерусалимским патриархатом в 2014 г.);
- Икона преподобных старцев Оптинских с частицами святых мощей: Льва, Иосифа, Антония (Потапова), Антония (Зерцалова), Илариона, Нектария, Макария, Варсонофия, Амвросия, Рафаила;
- Икона новомучеников, учивших и учившихся в Нижегородской семинарии;
- Икона с частицей мощей священномученика Фаддея (Успенского), епископа Тверского (выпускник Нижегородской семинарии);
- Икона с частицей мощей священномученика Петра (Зверева), архиепископа Воронежского;
- Икона с частицей мощей святителя Филарета, митрополита Московского (находится в алтаре);
- Икона с частицей мощей святителя Игнатия (Брянчанинова), епископа Кавказского;
- Икона с частицей мощей святителя Луки (Войно-Ясенецкого), исповедника, архиепископа Крымского;
- Икона блаженной Ксении Петербуржской, освящённая на могиле блаженной;
- Икона с частицей мощей священномученика Илариона, епископа Верейского;
- Икона с частицей мощей святителя Иоасафа, епископа Белгородского;
- Икона с частицей мощей благоверного князя Олега Брянского;
- Икона с частицей мощей святителя Феофана Затворника (Вышенского);
- Икона с частицей мощей священномученика Иакова Хаматурского (преподнесена в дар Нижегородской епархии делегацией Хаматурского монастыря (Ливан) в сентябре 2010 г.).

Богослужения в храме совершают администрация и преподаватели духовной школы, семинаристы читают молитвенные правила и несут все храмовые послушания — певцов, пономарей, звонарей.

Храм открыт для прихожан, актуальное расписание богослужений можно узнать на сайте Нижегородской духовной семинарии (http://nds.nne.ru) в разделе «Храм».

Материал подготовил Гуторов Ю. А.

24 февраля

Всероссийская студенческая научная конференция «Актуальные вопросы церковного научного дискурса: история, современность, перспективы»

24 февраля в Нижегородской духовной семинарии состоялась ежегодная Всероссийская студенческая научная конференция «Актуальные вопросы церковного научного дискурса: история, современность, перспективы».

В этом году конференция была приурочена к 800-летию со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского и к 300-летию Нижегородской духовной семинарии.

Основной целью конференции является поддержка и развитие научной деятельности обучающихся.

По итогам конференции выпущен сборник докладов, материалы которого будут размещены в Российской базе научного цитирования.

25 февраля

Престольный праздник

25 февраля в семинарском храме святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси, чудотворца, отметили престольный праздник.

Накануне, 24 февраля, митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий, ректор Нижегородской духовной семинарии, совершил праздничное всенощное бдение с чтением акафиста святителю Алексию.

В сам день праздника, 25 февраля, праздничную Божественную литургию возглавил первый проректор иерей Виктор Плаксин. По традиции семинаристы соборно причастились Святых Христовых Таин.

1 марта

Всероссийская ежегодная научно-богословская конференция «Православная церковная наука: традиции, новации, актуальные контексты»

1 марта Нижегородская духовная семинария провела Всероссийскую ежегодную научно-богословскую конференцию «Православная церковная наука: традиции, новации, актуальные контексты».

В 2021 г. конференция приурочена к 800-летию со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского и к 300-летию со дня основания Нижегородской духовной семинарии. Основной целью конференции является привлечение внимания специалистов к богословскому, философскому, историческому и церковно-практическому осмыслению актуальных проблем христианского научного дискурса. В конференции приняли участие учёные и студенты российских духовных и светских вузов.

По итогам конференции издан сборник научных трудов, который будет размещён в РИНЦ.

РАЗРЫВЫ И СВЯЗИ

Из истории философской мысли...

Богословие. Философия. Литература

Александрийская библиотека Мусейона (реконструкция)

Образование в эпоху античности

Владимир Михайлович Строгецкий,
доктор исторических наук,
преподаватель Нижегородской
духовной семинарии

Образование, воспитание и просвещение — средства, с помощью которых человеческое сообщество сохраняет и продолжает свой род духовно и телесно. Принципы, характеризующие содержание этих понятий, были сформулированы античными мыслителями и потому стали классическими. Этот классический принцип «пайдейя» обозначает единство воспитания и образования свободной личности. Для реализации этого принципа было создано воспитательно-образовательное учреждение — гимназия. Слово происходит от глагола γυμναζω (*gumnazo*), то есть воспитывать и образовывать дух (душу) и тело.

Первоначально существовали гомеровские школы, в которых мальчики — дети свободных граждан — учились грамоте и счёту, музыке и поэзии, гимнастике. Обучение продолжалось 6–8 лет и начиналось с семилетнего возраста. Это был первый уровень образования.

В Александрийский период начальная школа обрела более развитую структуру, в ней был установлен определённый круг знаний, которыми должны были обладать все свободные юноши, будущие граждане. Это были семь так называемых свободных искусств: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, поэзия, музыка и гимнастика.

Второй уровень образования, который можно было бы назвать уровнем высшего образования, характеризовался несколькими формами. Это были философские школы, среди которых, прежде всего, выделялся Сократовский кружок, давший начало платоновской Академии,

аристотелевскому Ликею, Саду Эпикура. Далее — Пифагорейское сообщество, возникшее в Южной Италии. Были также риторские и юридические школы.

Сократ (468–399 гг.) вышел из среды ремесленного разряда афинских граждан, унаследовал от отца искусство каменотёса и скульптора. Вместе с тем он увлёкся ионийской философией Анаксагора, ставшего первым афинским философом. Однако, обнаруживая в афинском обществе тенденции нравственного кризиса, обратился к этической философии.

Цицерон — римский философ, оратор и политик — писал о Сократе, что «он первый свёл философию с неба на землю, поместил её в городах, ввёл в дома и заставил граждан рассуждать о жизни и нравах, о делах добрых и злых».

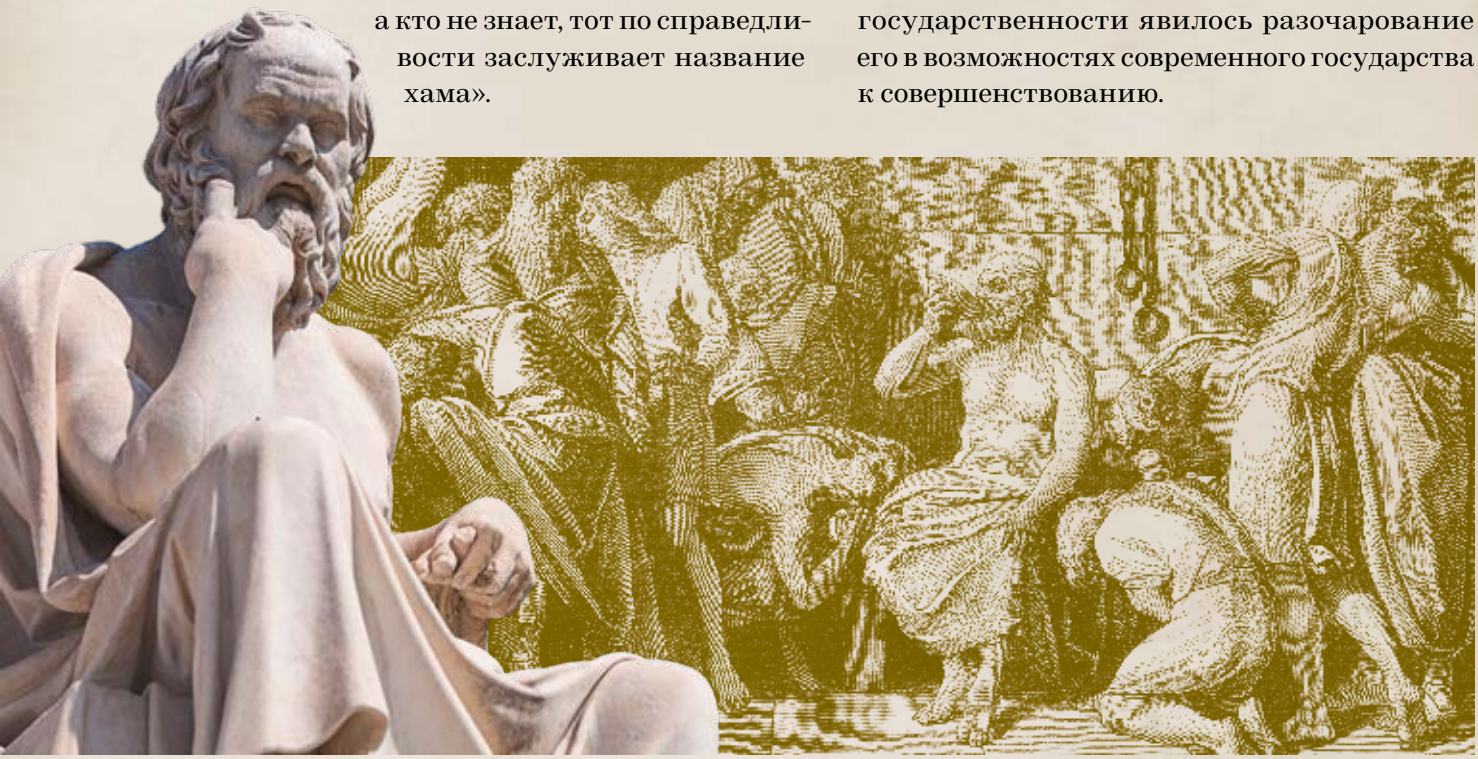
Среди учеников Сократа были люди весьма знатные и известные: Ксенофонт, Платон, Алкивиад, Критий и другие. Ксенофонт говорил, вспоминая о своём учителе, что «он всегда вёл беседы о делах человеческих, исследуя, что справедливо, а что несправедливо, что благоразумие и что неблагоразумие, что храбрость и что трусость». «Кто знает это», — считал Сократ, — «тот человек благородный, а кто не знает, тот по справедливости заслуживает название хама».

Главной чертой нравственно-культурной философии Сократа является её просветительский пафос. Сократ считал, что идеальный политический строй должен опираться на справедливость, право и закон.

В судьбе Сократа представлена общая нравственная трагическая судьба мыслителя, который в борьбе старого с новым оказался зачинателем идей нового мира.

Платон (427–347 гг.) — ученик Сократа — происходил из состоятельной и знатной афинской семьи. Подобно Сократу Платона влекло постижение полной абсолютной истины. Платон завершил концепцию объективного идеализма.

Сутью его философии является концепция совершенного человека и соответствующего этому человеческому типу идеального государства. Идеальная конструкция общества представлена Платоном в его трактате «Государство». Власть, согласно Платону, должна быть сосредоточена в руках высшего класса стражей и правителей, освобождённых от обязанностей заниматься производительным трудом. Платон сам говорил, что могущественным толчком к поиску совершенных форм государственности явилось разочарование его в возможностях современного государства к совершенствованию.



Платон надеялся приобщить к своей философии сицилийских тиранов Дионисия I и II. Разочаровавшись в этих неудачных попытках, он решил открыть философскую школу. Она получила свое название по месту расположения в роще со святилищем, посвящённым древнему аттическому герою Академу.

Количество слушателей в школе Платона было весьма значительным, и так же, как и у Сократа, они были из самых разных уголков греческого мира. Важно отметить, что среди учеников Платона были не только мужчины, но и женщины.

В школе Платона ученики не только посещали занятия и слушали лекции, но также принимали участие и в религиозных церемониях, связанных с культом особо чтимых божеств или с почитанием памяти основателя школы. Известно, что сразу же после кончины Платона возник посмертный культ великого афинского мудреца.

Платон не только развивал идею построения идеального общества и государства, он разработал собственную этическую теорию. По его мнению, в идеальном обществе в человеческих душах будет гармоническое сочетание трёх важнейших элементов или начал: разумное, аффективное и неразумное, или вожделеющее, — источник удовольствий, наслаждений и страстей. Платон считал, что если каждое из этих начал будет осуществлять свои функции под разумным началом, то гармония души не нарушится. Пока разумное начало будет управлять, а аффективное защищать от излишних вожделений и дурных поступков, гармония души будет в согласии.

Основателем новой философской школы перипатетиков стал самый крупный представитель второго поколения сократиков — Аристотель (384–322 гг.). Он был родом из северного города Стагира, выходец из средней городской прослойки (он был сыном врача). В Афинах он был метэком, то есть свободным, но неполноправным человеком. Но вместе с тем у него было состояние и свой вес в обществе, что определялось его личными связями с македонскими царями Филиппом и Александром.

Разойдясь с Платоном во взглядах, он покинул Афины и долгое время находился при царе Филиппе в качестве наставника его сына Александра. По возвращении в Афины он открыл собственную школу в Ликее, которой руководил 13 лет (355–322 гг.). После смерти Александра, своего покровителя и недруга афинян, Аристотель, боясь преследований, уехал в Халкиду, контролируемую македонцами, и там вскоре умер.

Афинская академия Платона

Аристотель

Философская концепция Аристотеля отличалась известным дуализмом, смешением идеализма и материализма. Он был склонен к практическому компромиссу. В области политической теории Аристотель серьёзно расходился с Платоном. Ядро этой теории, отразившейся в его «Политике», составляет учение о полисе-городе, государстве и гражданской общине, возникающей естественным образом из первичных объединений людей по семьям и деревням, составлявшим полис как высшую и совершенную форму общества.

В отличие от политической теории Платона, который видел сохранение и защиту идеального общества и государства в его тоталитарной форме, то есть в отсутствии частной собственности, абсолютном подчинении всех граждан стражам и правителям и регламентировании их жизни не только общественной, личной, политическая теория Аристотеля основывалась на принципах месополитии, то есть среднего государственного устройства.

Аристотель признавал господство частной собственности и считал, что общая собственность, не обусловленная господством частной, ведёт к противоречиям и раздорам.

Аристотель признавал такую форму демократии, при которой должностные лица должны избираться из граждан, имеющих определённый имущественный ценз. При этом он предусматривал необходимость регламентирования законом их выборности, сменяемости и краткосрочности правления.

Что касается нравственной философии Аристотеля, то в отличие от Платона он был реалистом и считал, что в жизни всегда сосуществуют добро и зло и в какой бы форме они не проявлялись, всегда есть нечто среднее между избытком и недостатком, отвагой и трусостью, расточительством и скупостью, в конечном итоге между добром и злом, и уметь находить эту середину есть свойство и качество благоразумия.

Замечательную параллель платоновской и аристотелевской школам представляет Сад Эпикура (342–271 гг.). Эпикур принадлежал к средней прослойке тогдашнего греческого общества. Некоторое время Эпикур преподавал за пределами Афин. В 306 г. он с некоторыми учениками перебрался в Афины и открыл свою школу, которая вскоре обрела известность.

Ядром философии Эпикура была его этика, то есть учение о смысле жизни и принципах поведения человека. Эпикур был более близок к сократовским идеям, чем Платон и Аристотель. Эпикур видел смысл жизни человека в достижении наивозможной безмятежности и разумного наслаждения радостями жизни. Вместе с тем Эпикур признавал превосходство духовных наслаждений перед физическими. Он утверждал, что «мы чувствуем нужду в наслаждении только тогда, когда страдаем от его отсутствия; а когда не страдаем, то и нужды не чувствуем».

Другой частью учения Эпикура является учение о природе вещей. Он объяснял людям смысл природных явлений, дабы избавить их от страха перед непонятными внешними условиями жизни. Он развивал учение Демокрита о материальности мира, о том, что вещи являются сочетаниями мельчайших неделимых частиц-атомов.

Третьей частью философии Эпикура является учение о правильном восприятии данных наших ощущений. Он учил отделять истинные впечатления от ложных и таким образом

Сад Эпикура

пролагал путь к настоящему знанию. Эти свои суждения он изложил в «Главных мыслях». Считая началом и основой познания наши ощущения, он полагал, что окончательное суждение достигается посредством правильного отбора с помощью разума, который он считал величайшим из благ.

Эпикур и его ученики участвовали в религиозных церемониях. В своём завещании Эпикур подробно перечислил, на какие церемонии необходимо давать средства. Благодаря этому школа эпикурейцев превратилась в религиозное сообщество.

Весьма своеобразным по сравнению с сократовскими философскими школами было пифагорейское братство. Живший в VI в. до Р. Х. Пифагор, вероятно, обучался в Египте и Вавилоне, прежде чем открыл свою школу. Вернувшись на Самос, к себе на родину, Пифагор устроил училище, названное Пифагоровой оградой, а за городом приспособил для занятий одну из пещер, где проводил беседы со своими друзьями.

Однако Пифагору пришлось покинуть Самос из-за конфликта с тираном Самоса Поликратом. Покинув Самос, он прибыл в Италию и поселился в Кротоне. Здесь у Пифагора появилось немало учеников. Пифагор в своих беседах огромное значение придавал действенности власти бога, доказывая, что богом даны людям государство, законы, справедливость и право. Он подчеркивал, что людям необходимо предводительство бога, поскольку всякое живое существо наделено страстями, а божество дает ему благоразумие и порядок. Он подчеркивал, что нет большего зла, чем анархия, так как человек не может спастись, если им не руководит божество.

Пифагор изложил свою теорию метемпсихоза, то есть учения о переселении душ. Пифагор утверждал, что душа бессмертна, она переселяется в животных, и, наконец, всё рожденное вновь возрождается через промежутки времени. Кроме того, он призывал не губить домашние и плодовые растения, а также животных, которые не причиняют вреда человеческому роду. Он наставлял относиться с благоговением к богам, демонам и героям точно так же, как люди относятся в помыслах к родителям и благодетелям. Он призывал закону помогать и с беззаконием воевать.

Образцом нового типа научно-учебного центра в античности стал Мусейон в Александрии, в Египте.

Деметрий Фалерский подал египетскому царю Птолемею I Сотеру (323–285 гг. до Р. Х.) мысль об учреждении в Александрии Мусейона и библиотеки.

Члены Мусейона назначались царём. Они получали полное содержание, твёрдое жалование. Были освобождены от уплаты налогов и от других общественных повинностей. В Мусейоне большое значение придавалось филологическим наукам. Однако слава великих библиотекарей, поэтов и филологов, таких, как Зенодот, Каллимах, Аристофан, Аристарх

и другие, не могла умалить значение Мусейона и как математико-естественнонаучного исследовательского и учебного центра непревзойденного в древности уровня.

Ученые Мусейона могли посвящать себя совершенно свободно своим научным исследованиям, кроме того, они также вели учебные занятия и выступали с лекциями.

Высший расцвет Мусейона приходится на III в. до Р. Х. — время правления Птолемея II и III.

Со времени Августа заботу о Мусейоне приняли на себя римские императоры. Библиотека Мусейона насчитывала до 700 томов свитков.

На протяжении всего времени существования Мусейона эта ученая школа оставалась языческой и погибла окончательно при Феодосии I вследствие его распоряжения о запрещении языческих культов и разрушении языческих святилищ.

Тогда александрийские христиане разгромили Серапейон, на руинах которого они воздвигли свою церковь (341 г.). Последним известным по имени членом Мусейона был Феон, отец Гипатии, погибшей в 415 г. Окончательно библиотека Мусейона пострадала при Халифе Омаре в 642 г. С гибелью Александрийского Мусейона практически пресеклась античная традиция научно-учебных центров с таким наименованием.

Рекомендуемая автором к прочтению литература:

1. О Гомере см.: Лосев А.Ф. Гомер. М., 1996; Строгецкий В.М. Становление исторической мысли в Древней Греции. Н. Новгород, 2010. С. 33–44.

2. О кружке Сократа см.: Виндельбанд В. История древней философии (СПб., 1893). Киев, 1995. С. 113–121; Фролов Э.Д. Философские содружества // Альтернативные социальные общества в античном мире / Под ред. Э.Д. Фролова. СПбГУ, 2002. С. 110–125.

3. О платоновской Академии см.: Шофман А.С. Академия Платона // Древний мир и средние века: история, историческая мысль. Уфа, 1993. С. 3–11; Фролов Э.Д. Философские содружества. Там же. С. 125–138.

4. Об аристотелевском Ликее см.: Чанышев А.Н. Аристотель. М., 1981; Фролов Э.Д. Философские содружества. С. 138–148.

5. О Саде Эпикура см.: Виндельбанд В. История древней философии. С. 267–273; Фролов Э.Д. Философские содружества. С. 149–160.

6. О Пифагорейском сообществе см.: Жмудь Л.Я. Пифагор и его школа. Л., 1990; Петров А.В. Пифагорейское сообщество // Альтернативные социальные общества в античном мире / Под ред. Э.Д. Фролова. СПбГУ, 2002. С. 178–200.

7. Об античном Мусейоне см.: Фролов Э.Д. Античный Мусейон в развитии от частноправового института к государственному учреждению // Парадокс истории. Парадоксы античности. СПбГУ, 2004. С. 314–334.

Пифагорейская школа философии

Монашество и лженаука

Иеромонах Лаврентий (Собко), кандидат философских наук, преподаватель Нижегородской духовной семинарии

«Ученье — вот беда! Учёность — вот причина!» Порой кажется, что эти слова, открывающие произведение Александра Грибоедова «Горе от ума», взяли себе на вооружение поклонники различных теорий заговоров, верные зрители телебитв экстрасенсов, адепты «новой истории» и «народные лингвисты». Но если по отношению ко всем этим телекартинкам, кричащим заголовкам и сплетням соседей о только что узнанной очередной тайне мироздания со временем научаешься ставить фильтры, то что делать, если подобные истории слышишь, например, во время паломничества в монастырь от того, к кому обратился за духовным наставлением? О том, почему для современного монашества вопрос учёности стоит особенно остро, какие лженауки проникают порой в жизнь некоторых верующих и как они порой могут влиять даже на ход истории, рассуждает преподаватель Нижегородской духовной семинарии иеромонах Лаврентий (Собко).

Наше Российское государство, к сожалению, не имеет достаточно древней традиции научного знания. И, хотя мы и свободно пользуемся плодами учёности, до сих пор к людям образованным относимся с подозрением. В этом отношении можно вспомнить и раннесоветский «Философский пароход», и вообще тот эпитет, который зачастую присоединялся к слову «интеллигент». Если заглянуть ещё дальше в историю, то мы увидим, что на Руси отношение к образованию, особенно в духовной среде, изначально было отрицательным. «Когда князь повелел отдавать детей в книжное учение, матери плакали по ним, как по мертвым», — сообщает нам летописец в «Повести временных лет»[1].

В позднейшее время одной из причин никонианского, или старообрядческого, раскола некоторые из исследователей называют почти поголовную безграмотность духовенства и монашеской братии. Многие из церковнослужителей не умели читать, а богослужение совершали наизусть, заучив его со слуха, иногда путая определённые молитвы. Естественно, при замене привычного им текста на новый многие из них оставались не у дел, да и в церковном сознании изустное литургическое предание было противопоставлено изощрённой книжности: почему кто-то, научившись из книг, может решать, верно или не верно то, чему научили нас наши отцы. О том, что подобное замечание имеет под собой твёрдое основание, сообщает, описывая свою архипастырскую проверку, и не далекий

Свт. Феофан Затворник

Юрий Кушевский. Экзамен Петра

по времени от патриарха Никона святитель Димитрий Ростовский.

С похожими трудностями сталкивался и император Петр I: в момент основания духовных семинарий воспитанников для них приходилось доставлять силой под присмотром полицейской команды, некоторые из них бежали, и их возвращали назад в цепях. Находясь уже в стенах духовной школы, многие с упорством не принимали учения. Именно по отношению к таковым применялся эпитет «детина непобедимой злобы»[2].

А ведь вспомним, что писал святитель Феофан Затворник об изначальной поголовной образованности монахов: «После того, как навыкал он всем порядкам — что не требовало, как надо полагать, долгого времени, — его заставляли заучить на память ещё несколько псалмов, до двадцати, два послания или другую какую часть Писания. Незнающим грамоте, однако же, не оставляли новичка, но по окончании первоначального заучивания заставляли его выучиться читать, хотя бы он и не хотел того. Для сего начертывали ему буквы, слоги, слова и растолковывали весь механизм читания. Вообще, в монастыре никого не должно было быть, кто не умел бы читать и не знал на память чего-либо из Писания, по наименьшей мере — Псалтири и Нового Завета»[3].

В силу сохранения сложивших обстоятельств желавшим получить образование порой приходилось учиться у католиков. Этот процесс даже получил название «кража науки», благодаря чему у нас сейчас имеются, в том числе, и богослужебные заимствования, возникшие под католическим влиянием. С другой стороны, для полемики с католиками нами были некритически заимствованы некоторые протестантские антикатолические памфлеты хулительного характера, что в более позднее время позволяло католическим полемистам с лёгкостью уличать православных в недобросовестной или даже подложной аргументации. Критика католичества в некотором роде породила интерес к протестантскому богословию и некритические заимствования уже из него в новое или новейшее время.

Предвзятое или прохладное отношение к богословским дискуссиям продолжает влиять на нашу жизнь и в настоящее время: как заметил митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий в своём выступлении на собрании митрополии, «мы раньше считали, что полемикой с Константинополем должны заниматься лишь отдельные люди или специальные структурные подразделения, однако произошедшие события побуждают размышлять над этими вопросами каждого члена Церкви»[4].

Возвращаясь к истокам проблемы, нужно сказать, что монашеская традиция изначально возникла как оппозиционная светскому государству и светской образованности. После «Константинова дара» многие из мирян

(а монахи изначально — обычные миряне) решают удалиться от хлынувшей в Церковь языческой среды и со временем противопоставляют мистическую традицию эллинской премудрости. Например, они считают нежелательным или даже запретным для монахов обучаться каким-либо светским наукам, в чём обличают тех же каппадокийцев.

Каппадокийским епископам, в будущем получившим именование Учителей Церкви, приходится объясняться. В частности, святитель Василий Великий пишет: «Во всем уподобляясь пчелам, должны вы изучать сии сочинения. Ибо и пчелы не на все цветы равно садятся, и с тех, на какие сядут, не всё стараются унести, но взяв что пригодно на их дело, прочее оставляют нетронутым»[5]. «Нам известны были две дороги: одна — к нашим священным храмам и к тамошним учителям; другая — к наставникам наук внешних», — продолжает эту мысль святитель Григорий Богослов[6].

Особенно трудно приходилось в рамках этой полемики святителю Григорию Богослову: он не только являлся мужем большой учёности, но и был настолько талантлив, что многие свои догматические сочинения писал в стихах, за что его монахи очень ругали. «Не до́лжно унижать учёность, как рассуждают о сем некоторые; а напротив того, надобно признать глупыми и невеждами тех, которые, держась такого мнения, желали бы всех видеть подобными себе, чтобы в общем недостатке скрыть свой собственный недостаток и избежать обвинения в невежестве»[7], — возражает противникам учёности святитель. Даже и в более позднее время преподобному Иоанну Дамаскину потребовалось вмешательство Богородицы, чтобы вернуться к богословским занятиям.

Изначальное противопоставление себя государству и слабая богословская подготовка привели к тому, что монахов стали использовать для разрешения богословских споров во время первых Вселенских Соборов. «Армии» монахов — иногда говорят о десяти тысячах — являлись в собрание епископов и понуждали их и их сторонников принять определенную

Учителя Церкви

сторону в конфликте. И, хотя в некоторых случаях такое вмешательство имело положительный эффект, сначала Соборы, а затем и государство, решили себя обезопасить от бесконтрольности монашества. Так, в новелле Юстиниана монахам запрещено занимать государственные должности, идти на военную службу, жениться, за что полагаются государственные прещения. В это же время монахи строго прикрепляются к монастырю, причём даже желающие отшельнической жизни[8].

Полемика по поводу возможности изучения монахами нецерковных наук продолжается и в последующее время: «Господь благодеяния Свои распространил согласно способностям каждого, греков и варваров; одним Он дал закон, другим — философию. Философия была предуготовлением, проложившим человеку путь к совершенству во Христе», — считает святитель Григорий Палама[9].

«Мы никому не мешаем знакомиться со светской образованностью, если он этого желает, разве только он воспринял монашескую

жизнь. Но мы никому не советуем предаваться ей до конца и совершенно запрещаем ожидать от неё какой бы то ни было точности в познании Бога», — рассуждает в похожем ключе святитель Григорий Палама.

Свт. Григорий Палама

По тому же вопросу заочно полемизируют и в новейшее время два русских святителя: «Пишете: много читаю; не худо ли это? И книги с человеческими мудростями могут питать дух. Это те, которые в природе и в истории указывают нам следы премудрости, благости, правды и многопопечительного о нас промышления Божия. Такие книги читайте. Бог открывает Себя в природе и в истории так же, как и в слове Своём. И они суть книги Божии для тех, кто умеет в них читать»[10], — отвечает своей корреспондентке святитель Феофан Затворник.

«Земная мудрость — вражда на Бога: она Закону Божию не покоряется и не может покоряться (см. Рим. 8: 7). От начала таково её свойство; такою останется она до конца своего, когда земля, и яже на ней дела, а с ними и земная мудрость, сгорят (2 Пет. 3: 10). Признак книги истинно, существенно душеполезной — святой писатель; член Восточной Церкви, одобренный, признанный святою Церковью. Аминь»[11], — выражает противоположную точку зрения святитель Игнатий Брянчанинов.

Русская монашеская традиция, как и вся Церковь, понесла большие потери в эпоху советских гонений, в результате чего новому, уже российскому, монашеству следует ещё раз проходить через те же этапы, через которые вселенское монашество уже прошло в исторической перспективе и, соответственно, совершать те же ошибки.

Такие ошибки, или недоразумения, можно поделить на несколько типов. Во-первых, собственно церковные. Из области библеистики: многие из монахов очень почитают книгу Левит и вносят в самодельные издания для исповедующихся различные пищевые запреты, например, вкушение угрей, морепродуктов, зайчатины или конины. Ветхозаветный же смысл приобретают некоторые аспекты канонического права. Так, например, новозаветный канонический запрет молиться с еретиками воспринимается вполне в ветхозаветном смысле как запрет находиться рядом или даже разделять пищу, в чём особо ревностные неофиты не раз обличали православный епископат или даже Святейшего Патриарха Кирилла.

Первый Никейский Собор

Собственно канонические заблуждения включают в себя вопросы брака и семейной жизни. Сначала достаточно старое заблуждение о невенчанном браке как о безблагодатном или даже блудом сожительстве, а затем и заблуждения, перечисленные в постановлении Священного Синода от 28 декабря 1998 г., в котором указывается на недопустимость вмешательства священника или другого церковнослужителя в личную жизнь членов Церкви: давать благословения заключать брак или разводиться, вмешиваться во взаимоотношения супругов. Здесь особо стоит подчеркнуть повышенный интерес к подробностям интимной жизни почему-то именно со стороны монашествующих исповедников, притом что именно блудную страсть душепопечительские, в том числе и монашеские, руководства рекомендуют исповедовать исключительно по названию. Дело в том, что, по мнению святых отцов, воспоминая какой-либо грех, мы одновременно имеем перед собой и модель этого греха: как его совершить. И если в иных случаях собеседование с помыслами бывает полезно, то воспоминание блудного греха, по уверению отцов, ещё больше связывает нас с воспоминаемым событием, что не полезно ни исповедующемуся, ни духовнику.

Свт. Игнатий Брянчанинов

Не удержавшись в рамках канонического церковного сознания, неопытные, хотя, возможно, и сановитые христиане, без осторожности начинают судить о вещах околоцерковных и вообще нецерковных. Так было, например, в случае с так называемыми ИНН, причём интересен не столько сам факт противопоставления себя Священноначалию (по этому поводу было специальное заявление Архиерейского Собора)[12], сколько то, что впоследствии подобные духовники благословляли отказываться от любых новых документов вообще. Себя, руководствуясь духом гордости, они записали в спасенные или, по крайней мере, в спасающиеся, а всех «принявших» — в погибшие, что, впрочем, не мешало им принимать от «погибших» деньги, лекарства, продукты или другие блага.

Дальнейшее неосторожное обращение с околоцерковными темами можно разделить на два направления: гуманитарное и естественнонаучное. К гуманитарному направлению относится в некотором роде народная лингвистика — непрофессиональные рассуждения о роли русского или иностранного языка и о происхождении слов (например, иностранных слов или русского мата). Однако гораздо большую опасность представляют псевдонаучные рассуждения об истории России — разговоры о масонском или ином заговоре, история Ливанского митрополита Илии, околоисторические фантазии по поводу Иоанна Грозного или Иосифа Сталина и др. Нам стоит помнить, что в своё время именно псевдоистория, параллельная историческая канва — миф о царевиче Димитрии — стала причиной событий Смутного времени, а в дальнейшем — и событий, связанных со Степаном Разиным.

Естественнонаучные заблуждения касаются, во-первых, здравоохранения — телегония, борьба с прививками, антидрожжевые листовки, запрет на психологов и психиатров либо запрет лечиться вообще. Во-вторых, порочным является сам подход, предполагающий применение естественнонаучных методов в делах веры. Так, якобы в разное время учёные пытались изучить миро от мощей, благодатный огонь, колокольный звон и много другое. На проверку оказывается, что если такие исследования и проводились, то принадлежат они, как правило, людям, не признанным научным сообществом, а полученные данные и выводы сомнительны. Без осторожности двигаясь в данном направлении, можно легко подпасть

под влияние псевдонаучных фильмов вроде «Плесень» или «Вода» и начать их транслировать под видом православного учения.

Спросите, а как нужно относиться к разным популярным сейчас теориям подобного рода? Посмотрим на пример нашего Предстоятеля. Святейшему Патриарху Кириллу в его телевизионной передаче «Слово Пастыря» однажды был задан вопрос: как относится Русская Православная Церковь к теории эволюции? Патриарх дал удивительный ответ: Церковь к теории эволюции никак не относится. Православный человек может быть как эволюционистом, так и креационистом. Несмотря на высочайшую эрудицию, Святейший Владыка чётко обозначил границы своей личной и церковной компетенции, в чём явил нам пример истинного духовного разума и подлинного монашеского смирения.

Илья Репин. Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года

Примечания и ссылки:

1. Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб., 2007. С. 190.
2. Феофан (Прокопович). Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшаго, державнейшаго государя Петра Перваго, императора и самодержца всероссийскаго, по соизволению и приговору всероссийскаго духовнаго чина и Правительствующаго Сената, в царствующем Санктпетербурге, в лето от Рождества Христова 1721, сочиненный, гражданским первым тиснением изданный. В Москве: в Синодальной типографии, 1866. С. 57.
3. Древние иноческие уставы, собранные свт. Феофаном Затворником [Текст] / сост. свт. Феофан Затворник. — Репр. воспроизведение изд. 1892 г. — М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. С. 105.
4. Слова произнесены на епархиальном собрании 2018 г.
5. Василий Великий. Св. Василия Великого, архиепископа Кесарие-Каппадокийского наставление юношам как пользоваться языческими сочинениями / [Соч.] Свящ. И. Соловьева. М., 1895.
6. Античность и Византия. М., 1975. С. 331.
7. Григорий Богослов, свт. Творения: в 2 т. — Т. 1. СПб., 1912. С. 609.
8. Максимович К.А. Новелла CXXIII св. императора Юстиниана I (527-565 гг.) «О различных церковных вопросах» (перевод и комментарий) // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2007. Вып. 3 (19). С. 22—54.
9. Григорий Палама. цит. по: Л. Успенский. Исихазм и гуманизм. Вестник РСХД, n. 58. Париж, 1967. С. 110.
10. Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться? / свт. Феофан Затворник. М., 2012. С. 212.
11. Святитель Игнатий Брянчанинов. Полное собрание творений и писем: в 8 т. — Т. 1. М.: 2014. С. 53.
12. Освящённый Архиерейский Собор Русской Православной Церкви (2–5 февраля 2013 года). Позиция Церкви в связи с развитием технологий учёта и обработки персональных данных // http://www.patriarchia.ru/db/text/2775107.html

«Христиане до Христа»

А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но всё и во всем Христос.

(Кол. 3: 8–11)

Монич Ирина Анатольевна, выпускница ЦПЦС «Покров», руководитель Просветительского проекта «НАШ ЛЕКТОРИЙ», катехизатор

Душа человека по природе своей после грехопадения стремится к богообщению, к своему Создателю, Вечному Богу, чтобы восстановить свой «потерянный рай». Новозаветный человек воспринимает Истину как нечто уже совершившееся и часто забывает о ветхозаветном времени. Христос на второй день после распятия сошёл во ад, сокрушив его врата, и вывел оттуда ветхозаветных праведников. Кто были эти люди? Святые, которые ещё не знали света евангельского учения, но вели благочестивую жизнь. Среди них были израильские пророки, праведники и, возможно, другие люди, не относившиеся к богоизбранному народу. «Христиане до Христа» — так называют античных философов, которые жили до земного воплощения Сына Божия и не знали Его учения, но в своих философских трудах приблизились к Нему.

Античные философы в русском церковном искусстве

Интерес к данной теме у автора этих строк возник в связи с прошлогодним путешествием на Кавказские Минеральные Воды. В Петропавловском храмовом комплексе города Ессентуки, построенном в начале 2000-х годов, есть аллея античных философов, которая так и называется: «Христиане до Христа». Это красивая аллея с бюстами мудрецов со свитками, на которых написаны пророчества о пришествии в мир Спасителя. Оказалось, что цитаты взяты из справочника для иконописцев — афонской «Ерминии» (другое название: «Наставления в живописном искусстве»), составленном в начале XVIII в. греческим иеромонахом и иконописцем Дионисием из Фурны. В качестве первоисточника использовались фрагменты из иерусалимских анонимных Ерминий.

В афонской «Ерминии» об изображении эллинских мудрецов говорится следующее: «В паперти храма изображаются греческие философы с изречениями на хартиях. О воплощении Христовом:

Аполлоний

Солон Афинский

Фукидид

1. Аполлоний, старец с длинною раздвоенною бородой, повязанный платком, держит хартию со словами «Я возвещаю Единого в Троице, царствующего на небеси, Бога, которого нетленное Слово воплотится во чреве чистой Девы. Оно, подобно огненной стреле, быстро протечёт пространство, оживотворит весь мир и принесёт его в дар Отцу».

2. Солон Афинский, старец с круглою бородою, держит хартию со словами: «В последние времена приидет некто на сию многопревратную землю и явится во плоти без недостатка.

Ватопедский монастырь на Афоне. Греция

Определение Божества неизменно. Он уничтожит пагубу неисцельных страстей, послужит предметом зависти неверного народа и будет повешен высоко, но всё претерпит кротко и добровольно».

3. Фукидид, с проседью в бороде, разделённой на три пряди, говорит: «Бог есть единый умный Свет, и Ему хвала! Ибо Он в уме своём содержит всё, как единицу. Не иной Бог, не ангел, не иная Мудрость, не демон, не природа, а один Господь и Творец всего, Слово всесовершенное, рожденный от раждающего, низшедши к естеству, создал плодотворную воду».

4. Плутарх, старец плешивый, с остроконечною бородою, говорит: «Превысшему из всех не придумывается никакое начало. Слово из него, а не из другого кого-либо. И ясно открылось, что Божия премудрость и Слово содержит пределы земли».

5. Платон, старец с длинною широкою бородою, говорит: «Ветхий денми юн, и юный исконен. Отец в Сыне и Сын во Отце. Единое тройственно и тройственное едино».

6. Аристотель, старец с курчавою бородою, говорит: «Не трудно рождение Бога, ибо в Нём само собою осуществляется Слово».

Плутарх

Платон

7. Хилон филолог, старец плешивый, с длинною раздвоенною бородою, говорит: «Он выше великого неба, превосходнее неугасающего света и непотухающего огня. Пред ним трепещут небеса, земля и море, бездна, тартар и демоны. Он — сам Отец без отца, преблаженный».

8. Софокл, старец плешивый, с бородою разделённою на пять прядей, говорит: «Есть Бог безначальный. Существо Его не сложно. Он сотворил небо и землю».

Иверский монастырь на Афоне. Греция

9. Фул, царь египетский, старец с широкою бородою, говорит: «Отец в Сыне и Сын во Отце. Бесплотный воплотился, пребывая яко Бог».

10. Валаам, прорицатель, старец с круглою бородою, повязанный платком, говорит: «Возсияет звезда от Иакова, и восстанет человек от Израиля, и погубит князи моавитские» (Числ. 24: 17).

11. Мудрая Сивилла говорит: «Приидет с неба Царь веков судить всяку плоть и весь мир»[1].

Начиная с конца XVI в. изображения античных философов встречаются также в русской храмовой росписи. Много примеров такой росписи можно найти в Новгородской области. В храме в честь святителя Николая Чудотворца Ионо-Отенского монастыря в самом нижнем ряду иконостаса, под иконами Спасителя и Божией Матери, были изображены сивиллы, а под иконой святителя Николая — Гомер. Подобные изображения находились и под местными иконами главного иконостаса в Спасо-Преображенском соборе Варлаамо-Хутынского монастыря, а также в Николо-Вяжицком монастыре.

Изображения языческих мудрецов встречаются в московском Новоспасском монастыре на фресках соборной паперти, на дверях Благовещенского и Успенского соборов Московского Кремля, а также на дверях Троицкого собора Ипатьевского монастыря в Костроме.

Греческие философы считаются язычниками, поэтому возникает ряд вопросов.

Почему их изображают на росписях в православных храмах? Какое отношение они имеют к христианству? И какое мнение на этот счёт у христианских богословов?

Аристотель

Богословы о «христианах до Христа»

Для христиан первых веков предвосхищение истины языческими философами не было чем-то случайным. Они видели в истории философии действие промысла Божия, который помог ветхозаветному человеку подойти к рубежу Откровения. Иустин Философ (100–165 гг.), мученик и первый христианский философ, в сочинении «Вторая апология» открыто признает существование христиан до Христа: «Всё, что сказано кем-нибудь хорошего, принадлежит нам, христианам... Всё, что было до Христа совершено доброго, — совершено Словом; Слово — это Христос; следовательно, всё что-либо когда-нибудь сказанное истинное — наше, христианское; а значит, и философы, говорившие много истинного, — христиане до Христа»[2]. Разделяли это мнение священномученик Ириней Лионский (130–202 гг.) и святитель Климент Александрийский (150–215 гг.), который называет философию «даром Бога эллинам» и «наставником, ведущим их ко Христу»[3] до вочеловечения Сына Божия.

В памятниках древнерусской книжности часто встречается определение, данное святым равноапостольным Кириллом Философом (827–869 гг.), где философия - «понимание вещей божественных и человеческих, чтобы приблизиться человеку к Богу, насколько это возможно, и научиться через добродетели становиться таким, как Тот, Кто сотворил его по образу и подобию Своему»[4]. Здесь философия воспринимается как мудрость, а истинные философы как мудрецы, целью которых является благочестивая жизнь.

Современная русская богословско-философская мысль исследовала данный вопрос. В «Истории религий» протоиерея Александра Меня рассматривается стремление к поиску Бога людей, живших до Рождества Христова. Особого внимания заслуживает том «Дионис. Логос. Судьба», посвящённый греческим мыслителям. По мнению автора, многие греческие мыслители являлись предвестниками христианского учения. В книге использованы

Благовещенский собор Московского Кремля

такие выражения, как «религиозная интуиция Сократа», «Сократово ‘богословие’», а платонизм даже был назван «прологом к Новому Завету»[5].

Святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл в своём Рождественском послании в 2015 году отмечает: «Вся история человечества до Рождества Христова есть история поисков Бога, когда лучшие умы пытались понять, кто же является источником той сверхъестественной силы, присутствие которой в жизни так или иначе ощущает каждый человек. На пути богоискательства люди, пытаясь обрести истину, впадали во всевозможные заблуждения. Но ни примитивный страх человека перед грозными явлениями природы, ни обожествление природных стихий, идолов, а порой и самого себя, ни даже те немногие прозрения, которые озаряли философов-язычников, не привели людей к истинному Богу. И когда мир своею мудростью не познал Бога (Кор. 1: 21), Он благоволил Сам снизойти к людям»[6].

Софокл

Философия, близкая христианству

Многие аспекты античной философии созвучны христианству. Учение Сократа, по мнению протоиерея Александра Меня (1935–1990 гг.), стоит «ближе к библейскому учению, чем всё, чего достигла античная мысль до Сократа»[7]. Однако Сократ строил свои рассуждения на строгой логике, что шло в ущерб рассуждениям о духовном. Похожие вещи мы находим у Иустина Философа, который высказывает парадоксальную мысль: «Сократ узрел некоторые истины усилием разума, что само по себе есть причастность Слову. Слово — это Христос, следовательно, Сократ принадлежит к числу Его учеников»[8].

Ученик Сократа — Платон, положения учения которого в своих трудах использовали многие отцы Церкви, за 400 лет до Христа пришёл ко многим евангельским истинам. По мнению священника Павла Флоренского (1882–1937 гг.): «Не христианство платонизирует, а Платон христианизирует»[9]. Возникает вопрос, как мог человек своим умом достичь таких высот? Есть гипотеза, что Платон путешествовал в Египет, где, возможно, познакомился с первой книгой ветхозаветного пророка Моисея — Книгой Бытия.

В платоновской философии встречаем много рассуждений на тему добра и зла: откуда в мире зло и как сделать, чтобы зла не было. Прямолинейного ответа мы не находим, поскольку платоновские диалоги не окончены. Это одна из особенностей его трудов: он побуждает читателя к самостоятельному размышлению, используя метод вопросов и ответов как метод познания. В этом можно провести параллель с Новым Заветом, когда Христос притчами излагает Истину. В Евангелии Господь даёт нам главные ответы, необходимые для нашего спасения. Он не даёт ответы на все наши вопросы, например, как люди должны реагировать на все вызовы той или иной эпохи. Над этим мы должны размышлять самостоятельно.

В одном из самых драматичных диалогов «Федон», сюжет которого — предсмертная беседа Сократа со своими учениками и описание его кончины, описаны четыре доказательства бессмертия души по Платону. Первый аргумент основан на взаимной связи в парах противоположностей и возникновении противоположностей одной из другой. Следовательно, мёртвое возникает из живого, а живое из мёртвого. То есть душа должна существовать и после смерти. «Если бы всё, причастное к жизни,

умирало, а умерев, оставалось бы мёртвым и вновь не оживало, — разве не совершенно ясно, что в конце концов всё стало бы мёртво и жизнь бы исчезла?»[10]

Второе доказательство строится на основе теории воспоминания. Знания человек приобретает благодаря врожденной способности души к припоминанию. Вспомнить можно только то, что знал раньше. Для этого душа должна обладать знаниями до того, как ей поселиться в тело. Однако это было бы возможно, только если бы душа существовала до рождения. Если душа существует до рождения, то она может и должна существовать и после смерти, а стало быть, она бессмертна.

Сивилла

Хилон

— Постой-ка, Сократ, — подхватил Кебет, — твои мысли подтверждает ещё один довод, если только верно то, что ты так часто, бывало, повторял, а именно, что знание на самом деле не что иное, как припоминание: то, что мы теперь припоминаем, мы должны были знать в прошлом, — вот что с необходимостью следует из этого довода. Но это было бы невозможно, если бы наша душа не существовала уже в каком-то месте, прежде чем родиться в нашем человеческом образе. Значит, опять выходит, что душа бессмертна[11].

Бачковский монастырь. Болгария

Третий аргумент основан на исследовании различия природы души и тела. Всё составное распадается и погибает, только простое не подлежит разрушению. Следовательно, тело человека всегда есть нечто составное и поэтому ему свойственно разрушаться и погибать. В противоположность телу душа человека незрима, не составима и не разложима, поэтому она вечна.

— Теперь подумай, Кебет, согласен ли ты, что из всего сказанного следует такой вывод: божественному, бессмертному, умопостигаемому, единообразному, неразложимому, постоянному и неизменному самому по себе в высшей степени подобна наша душа, а человеческому, смертному, постигаемому не умом, многообразному, разложимому и тленному, непостоянному и несходному с самим собою подобно — и тоже в высшей степени — наше тело. Можем мы сказать что-нибудь вопреки этому, друг Кебет? — Нет, не можем. — А если так, то не подобает ли телу быстро разрушаться, а душе быть вовсе неразрушимой или почти неразрушимой?[12]

Далее, в качестве четвертого доказательства, Платон устами Сократа задаётся вопросом о том, что является истинной причиной жизни, тело или душа. Человек активно пользуется своим телом, но не оно причина его существования. Душа, будучи причиной жизни, не может быть причастна своей противоположности, то есть смерти. Следовательно, душа бессмертна.

— Что должно появиться в теле, чтобы оно было живым? — Душа, — сказал Кебет. — И так бывает всегда. — А как может быть иначе? — спросил тот. — Значит, чем бы душа ни овладела, она всегда привносит в это жизнь? — Да, верно. — А есть ли что-нибудь противоположное жизни или нет? — Есть. — Что же это? — Смерть. — Но – в этом мы уже согласились — душа никогда не примет противоположного тому, что всегда привносит сама? — Без всякого сомнения! — отвечал Кебет. — Что же выходит? Как мы сейчас назвали то, что не принимает идеи чётного? — Нечётным. — А не принимающее справедливости и то, что никогда не примет искусности? — Одно — неискусным, другое — несправедливым. — Прекрасно. А то, что не примет смерти, как мы назовем? — Бессмертным. — Но ведь душа не принимает смерти? — Нет. — Значит, душа бессмертна? — Бессмертна, — сказал Кебет. — Прекрасно. Будем считать, что это доказано? Или как по-твоему? — Доказано, Сократ, и к тому же вполне достаточно[13].

Платонизм для христианства был не только одной из основ богословской терминологии, но и почвой для многих сомнений и потенциальных ересей. По замечанию протоиерея Александра Меня, платоновский «идеализм таил в себе угрозу извращения христианства тем, что вносил в него идеи глубоко ему чуждые». При всей близости учения Платона и христианства платонизм становился преградой на пути к пониманию чуда Воскресения Христова, поскольку его последователи считали человеческую плоть «гробницей души».

Произведения ученика Платона — Аристотеля — служили источником знаний о праве, нравственности и жизни тварного мира. В труде преподобного Иоанна Дамаскина (ок. 675 – ок. 753 гг.) «Диалектика» (другое название — «Философские главы») используются сочинения философов, главным образом Аристотеля и Порфирия. Иоанн Дамаскин вносит в них лишь некоторые изменения и дополнения, с целью привести их в соответствие с христианским учением и приспособить к потребностям христианской догматики. Ссылки на Аристотеля и его натурфилософские сочинения встречаются в древнерусских «Шестодневах» (толкование первой Книги Бытия).

Монастырь Сучевица. Румыния

В заключение можно сделать вывод, что в рамках языческого мира философия может считаться необходимым условием и «фундаментом» познания Бога в эпоху до наступления Нового Завета. Древние мудрецы чувствовали несовершенство материального мира и искали первопричины жизни и смерти, изучали вопросы добра и зла. Эти труды стали благодатной почвой для распространения

христианства в Византийской империи, многие жители которой уже имели опыт философских рассуждений и глубокие понятия о материальном и духовном. Изучение наследия «христиан до Христа» является важным этапом образования и воспитания личности, хорошим нравственным примером того, что во всех проявлениях материального мира всегда надо искать духовное начало, стремиться к познанию истины в Боге.

Примечания и ссылки:

1. Ерминия, или наставление в живописном искусстве, составленное иеромонахом и живописцем Дионисием Фурноаграфиотом // https://azbyka.ru/otechnik/ikona/erminija-ili-nastavlenie-v-zhivopisnom–iskusstve-sostavlennoe-ieromonahom–i-zhivopistsem-dionisiem-furnoagrafiotom/2_136

2. Иустин Философ. Вторая апология // https://azbyka.ru/otechnik/Iustin_Filosof/apologia

3. Пресвитер Климент Александрийский. Строматы. Замечание о пользе греческой философии // https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Aleksandrijskij/stromaty/1_2

4. Пространное житие Кирилла // Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII вв. М., 1990. С. 112.

5. Протоиерей Александр Мень. История религии, IV. Дионис, Логос, Судьба // https://predanie.ru/book/70861-istoriya-religii–iv-dionis-logos-sudba/

6. Рождественское послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла 6 января 2015 г. // http://www.patriarchia.ru/db/text/3897310.html

7. Мень А. История религии: в 2 кн. Кн. 1: В поисках Пути, Истины и Жизни. М., 1997. С. 216.

8. Иустин Философ. Вторая апология // https://azbyka.ru/otechnik/Iustin_Filosof/apologia

9. В.П. Визгин. Соотношение платонистской и экзистенциальной установок в религиозной философии Павла Флоренского // https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/sootnoshenie-platonistskoj-i-ekzistentsialnoj-ustanovok-v-religioznoj-filosofii-pavla-florenskogo

10. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид / Общ. ред. А.Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М., 1999. С. 25.

11. Там же. С. 26.

12. Там же. С. 36.

13. Там же. С. 66-67.

Содержание

Редакционная колонка

1 Слово главного редактора

2 Духовное образование

Тема номера

4 Задачи и проблемы духовного образования в России в XX–XXI веках

10 Нижегородская семинария и её известные выпускники-богословы

22 История и методология образования и воспитания в Библии

32 Современные вопросы преподавания патрологии в России: опыт Нижегородской духовной семинарии

50 Богослужение в жизни семинариста

События жизни духовной школы

45 18-летие архиерейского служения Владыки-ректора

45 Всероссийский конкурс научно-исследовательских работ «Язык. Культура. Духовность»

45 Память основателя города — святого благоверного князя Георгия Всеволодовича

58 Всероссийская студенческая научная конференция «Актуальные вопросы церковного научного дискурса: история, современность, перспективы»

58 Престольный праздник

58 Всероссийская ежегодная научно-богословская конференция «Православная церковная наука: традиции, новации, актуальные контексты»

Живой опыт в живых словах

46 Истинное знание не надмевает

Разрывы и связи

60 Образование в эпоху античности

66 Монашество и лженаука

72 «Христиане до Христа»